

Ҳамид ад-Дйн ал-Кирмāнӣ
«УСПОКОЕНИЕ РАЗУМА»
(Отрывки)¹

Перевод с арабского и комментарии А.В.Смирнова

Квартал первый
содержащий необходимое читателю разъяснение
и объясняющий причину,
по которой устроены кварталы и их улицы
с семью улицами

Улица шестая

Извещение о вечных лютых муках (да удалит их от нас Бог!) для тех,
кто читает настоящую книгу не как вероисповедную
и порядок поклонения устанавливающую,
кто не считает необходимым [поклонение] действием
и не усердствует в исправлении души

Ко всему ведет своя дорога; дорога к раю и обретению блаженства есть поклонение. Сие поклонение двояко: поклонение действием и поклонение знанием. Когда вступают на дорогу к раю, то начинают с поклонения действием: оно исправляет душу и упражняет ее в приобретении нравственных добродетелей; а нравственные добродетели подобны материи для добродетелей формальных², которые доставляет душе другое поклонение, а именно — поклонение знанием. В настоящей книге изложили мы то, что связано с поклонением знанием; а потому тот, кто приступает к ее чтению, не исправив душу свою упражнениями и не отдавшись всецело поклонению, не удалив с нее природных пятен, кто не заботился о религиозном долге и поклонении Господу своему, как говорил о том пророк (да благословит Бог его и его род!), кто не обрел твердую от постоянного повторения привычку к исполнению обетов и предписаний, чьи нравы не улучшены богопочита-

¹ Перевод и комментарии доработаны для данного издания.

² *Формальные добродетели* — добродетели, изменяющие *форму* души и превращающие ее в разум, т.е. истинные знания.

нием и вероисповеданием, кто не практиковал честность и искренность и к тому же, прочитав книгу сию, не наверстает упущенного покаянием пред Всевышним и исполнением обрядов поклонения, тот, бывши неусердным, превратится в нуждающегося в спасительной помощи, потому как презрел поклонение Господу своему по законам общины истинной веры. Самоуспокоится он, прекратив поклонение и думая, будто знание без действия спасет его, и тем самым погрязнет в неповиновении и смертных грехах. Да будет ему известно: опьяненный этим мнением, познает он тяжкое похмелье и раскаяние и будет во веки вечные исторгать скорбные вопли и плач.

Да будет ему известно, что душа его, постигая сии ясные божественные знаки, приобретает тем самым форму, связующую ее с небесными звездами и вне[природными] Разумами, и чрез это становится вечно пребывающей. И она же, когда прекращает поклонение, не предается исправлению своих нравов посредством Законоустановленного, думая, будто можно пренебречь частью этих обязанностей или всеми ими, в самости своей имеет иную форму, отличную от той, что дало ей постижение божественных знаний. Так становится она обладательницей двух противоположных форм: одной — поскольку запечатлела форму необходимости знания и стала самодостаточной чрез познанное: сия форма схожа с формой ангелов, превозносящих Господа своего; и другой — поскольку запечатлела, что допустимо оставить действие и не испытывать в нем нужды: сия форма схожа с формой скотины и зверья, Господу своему не поклоняющихся. Та форма, которую душа приобретает благодаря познанию границ³, сохраняет ее самость и предохраняет от гибели, другая же пребывает в ней, поскольку сама она пребывает.

Такое существование двух форм вызывает муки, — и что за муки! — такие муки, что их познавший желает только одного: от них избавиться. Но избавление медлит: ведь он уж приобщился к благу вечности и бессмертия, перейдя из разряда возможного (*имкāн*) в разряд необходимого и вечно-длющегося, и субстанция его терпит страдание темени и мрака. Одна из форм терзаема другой, как если сойдутся вместе два человека: один — добродетельный ученый муж, только знаний ищущий и лишь поклонению предающийся, другой — легкомысленный глупец, у которого на уме одни забавы да игры, и дел у него — лишь плясать да насмешничать. Так вот, сойдутся они в одном месте, где нет им спасения друг от друга, и каждый для другого — источник печали и забот, и находят они друг в друге только препятствие на пути к тому, чего алчет и страждет душа каждого; тогда каждый хочет бежать от другого и спастись, но это их желание неосуществимо.

³ *Границы* — (*худūd*, ед.ч. *ḥadd*) — этим термином ал-Кирмāнī обозначает метафизические начала сущего (Разумы), во-первых, и иерархов исмаилитской общины, во-вторых. В данном случае подразумевается первое значение этого термина.

Улица седьмая
О том, сколь полезно душе для обретения совершенства
чтение сей книги,
усвоение ее содержания и запечатление формы ее

Мы скажем: душа имеет два совершенства: это, во-первых, самостное бытие и, во-вторых, совершенство той самости по форме. Когда душа запечатлевает форму чего-либо вероисповедного, бывает в том для нее польза: во-первых, польза исправления ее самости, когда приобретает она благонравие и избавляется от природных пятен и тьмы; таковую пользу приносят деяния: закат, например, который, если дают его как то предписано, делает душу щедрой, или джихад (то есть радение в делах поклонения), делающий ее мужественной, или же пост, когда душа приобретает добродетели воздержанности, искренности, благочестия и надежности, а также прочие Законом установленные деяния, усердствуя в коих, приобретает душа многочисленные добродетели, как мы то показали в нашей книге «Указания наставнику и ученику»⁴; и во-вторых, польза от запечатления в ее самости форм и укоренения ('ақл)⁵ ее в божественных первоначалах, ей в бытии предшествующих, — такую пользу приносят душе науки. Во всем этом счастье ее и обретение ступени второго совершенства, когда из не-сущей становится она сущей, из смертной — пребывающей, из неживой — живой, из запятнанной — чистой.

Нами в сей книге изложенное принадлежит к роду того, что приносит душе пользу, отпечатывая в ней формы мира Творения (*ибдā'*) и истинности (*хаққā'иқ*) сущего, причащая ее к вечно-длящемуся, даруя ей разумное сияние и вечный свет, оберегая ее от превращений и изменений, ибо сие выводит ее из-под господства Природы и доставляет ей форму ангельскую; когда запечатлеет она формы всего этого и охватит все это, обретя актуальное бытие, причастившись вечности, верховному блаженству и первозданной благодати, тогда оказывается в ней все то, что есть в божественных первоначалах сущего, что были произведены первыми. Тогда самость души обнимает сама себя, ведь обнимать все это и означает для нее обнимать

⁴ «Указания наставнику и ученику» (*Танбїх ал-хādї ва-л-мустахдї*) — пропедветическое полемическое сочинение, направленное против суннитов, а также шиитов-двунадесятников, зейдитов и крайних шиитов в вопросах об имамате. Оно защищает исключительное право на имамат прямых потомков 'Алі Ибн 'Абї Тāлиба, имеющих по поводу этого авторитетное (не подверженное сомнению) «текстуальное» указание (*насс*). Кроме того, в этом труде доказывается необходимость «практического поклонения», т.е. совершения всех установленных обрядов и ритуалов, и раскрывается их значение для «поклонения знанием».

⁵ «Разум» ('ақл) и «укрепление» (*та'аққул*) — однокоренные слова; этимология подчеркивает мысль о том, что уразумение начал сущего придает душе человека онтологическую утвержденность, т.е. бессмертие.

собственную самость, ибо самость ее — из той основы (*'aql*) и той субстанции, которая и есть Творение; однако сие Творение, будучи Первым, не может не быть актуальным, между тем как субстанция души может обрести совершенство (то есть стать актуально сущей), только перейдя из потенции в акт благодаря стяжанию (*iktisāb*), ибо душа есть конечное сущее и существует она не от той соотнесенности, от которой получили бытие актуальные Разумы. Познав сии Разумы, кои суть небесные буквы⁶, душа приобретает их облик (*khay'ā*): они делают ее такой же, как они. Так же действует и закваска на тесто: тесто в основе своей подобно закваске, будучи также из муки, однако в закваске есть то, чего нет в тесте, и она, в него попав, делает его себе подобным⁷. Есть тому пример и среди металлических сенсительных вещей: серебро стоит ниже ступени золота, и доводит его до сей ступени (после того, как расплавят его жаром, дабы подготовить к принятию) в него добавляемая, от золота взятая, закваска, которая, подобно Божьему творению, делает все золотом. Таково же и то искусство, что нами изложено в трактате «Познание границ и загробной жизни»: разгадать сей символ — великий праздник для обладателей того искусства и тех, кто во истину брат наш по проницательности, уму и подвижничеству.

Пусть же читатель сей книги погрузится в размышления, пусть всякое в ней слово пробудит думы его, пусть благодать, в ней содержащаяся, запечатлеет в нем форму свою, дабы сладостными стали для него оба поклонения и практиковал он их должным образом. А нас пусть поминает в молитве всякий раз, как чтение доставит ему новую радость, и да выберет он среди множества дорог верный путь и вольется в общество следующих за имамами из рода Мухаммеда (да благословит его и их Бог!), и да запасется благочестием⁸. Да сделает Бог нас и всех верующих благочестивыми, от страха избавленными и печали не знающими: лишь Всевышний дарует крепость и силу, и велению Божьему неизбежно сбыться; прибегаю к Нему и на Него полагаюсь: Он о рабах Своих зоркий попечитель.

⁶ *Небесные буквы* (*al-ḥurūf al-'alawīya*) — по-видимому, калька с древнегреч. *stoicheia*. Этот термин, первоначально означавший «буквы», впоследствии в философии приобрел значение «стихий», «начала». См. у Платона: «...доньше еще никто не объяснил их рождения, но мы называем их началами и принимаем за стихии [„буквы“] Вселенной...; между тем каждому мало-мальски разумному человеку должно быть ясно, что нет никакого основания сравнивать их с каким-либо видом слогов» (Платон. Тимей, 48 b-c. — Сочинения. Т. 3 (1). М., 1971, с. 489).

⁷ Образ *теста* и *закваски* был весьма популярен и среди суфиев. Ср. с евангельской притчей: «Иную притчу сказал он им. Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф, 13,33).

⁸ «Что доброго сделаете, то знать будет Бог. Берите с собой путевых запасов; но самый лучший путевой запас есть благочестие» (Коран 2:197, пер. Г.С. Саблукова, далее — С.).

Квартал второй**О короне разумов — единобожии, превознесении,
восхвалении и прославлении Бога****с семью улицами****Улица первая****О Боге, кроме Которого нет бога,
и невозможности Его ничтожности**

...Так вот, поскольку одно из сущего опирается в своем бытии на другое, и поскольку, будь то, на что сие в бытии своем опирается и с чем бытие его связано, неутвержденным (*ḡayr ṣābit*) в бытии и не существующим, то и бытие сего было бы невозможно, — итак, поскольку доказано, что сие существует только благодаря тому, то отсюда вытекает, что Тот, к Кому восходит все сущее, существующее благодаря Ему, от Него и опираясь на Него, есть Бог (кроме Которого нет бога), Чья ничтожность (*lay-siyyā*) невозможна и отрицание оности Которого ложно: если бы Он был ничем (*layc*), то и все сущее было бы ничем, а поскольку сущее есть, то и Его ничтожность невозможна.

Улица седьмая**О том, что наиправдивейшее выражение единобожия,
восхваления, прославления и утверждения состоит
в неприписывании Всевышнему
находимых в сущем атрибутов**

Мы скажем: разумы стремятся утвердить единственность Всевышнего Бога, превознести, восславить и восхвалить Его достойным образом. К тому есть два пути: утверждать за Ним наивысшие атрибуты или отрицать атрибуты и не приписывать их Ему. Поскольку утверждение единобожия и прославление [Бога] путем приписывания Ему атрибутов ведет ко лжи и вымыслам о Всевышнем, когда соотносят с Ним Его не достойное и уподобляют Его Его же творениям, что ниже Его, то наиправдивейший способ утверждения единобожия и восславления состоит не в приписывании атрибутов, но в обратном, а именно — в отрицании их.

И вот мы вслед за праведниками единобожия, последователями чистых имамов встали на путь утверждения единобожия и восславления чрез отрицание атрибутов, ибо сие и есть истинная правда. Поскольку правдивость заключается в том, чтобы утверждать в вещи что-либо действительно в ней сущее и отрицать за ней то, чего в ней нет, то мы считаем, что, если мы припишем Всевышнему какой-либо атрибут, а тот атрибут — не Его, а иного (ибо он относится к сущему, получившему бытие от Него, кое от-

лично от Всевышнего), то тем самым солжем — ведь ложь и состоит в том, чтобы приписывать вещи то, чего у нее нет, или отрицать за ней то, что у нее есть. А если мы будем отрицать за Ним какой-нибудь атрибут и тот атрибут будет не Его, а кого-либо иного, то мы в том будем держаться правды. Вот мы и встали на сей путь утверждения единобожия, очерченный руководящими столпами водительства пути к Истине (*тарйк ал-хаққ*) (да пребудет с ними благословение Божье!). Ведь именно так мы будем утверждать, восславлять, превозносить и восхвалять [Бога] правдивым словом и утверждать Всевышнего без какого-либо обращения к атрибуту, без всякого сравнения (*таибйх*), уподобления (*тамсйл*) или определения Его: имеющий разумение, истинный брат наш ясно видит такой смысл наших речей.

Если, утверждая через отрицание, мы говорим: Он — ни это, ни то и ни другое,— и все, что мы отрицали, является сущим в сотворенной Природе, то тем самым оказалось утвержденным то, к чему не приводил никакой атрибут. Так Он оказывается отличен (*байана*) от всего сущего, поскольку мы отрицали, что оно — Он, Всевышний. Это вовсе не означает устранения [Бога] (*та'тйл*), как то представляется некоторым умникам, что мнят себя в здравом уме, а на самом деле враги себе. Всепожирающий огонь устранения [Бога] возгорается маяком безбожия только тогда, когда действие частицы «не» (а оно — отрицание [*нафй*]) специально направляется на Всевышнюю оность, дабы устранить и отрицать ее, например, если говорят «не-Он» (*ла-хува*) или «не-Бог». Именно это означает открытое устранение [Бога], именно оно ввергает душу в пучину гибели, в геенну огненную. Здесь же действие частицы «не» направлено на отрицание атрибутов, а не Всеславной оности, так что отрицаются именно атрибуты, но никак не Всеславная оность.

Здесь точно так же, как когда мы сначала говорим о Боге, «что Он не описываем атрибутом»: частица «не» относится к атрибутам и телам, имеющим атрибуты, отрицая их у Него, сам же Он упомянут словами «что Он»; упомянутый утверждён, отрицаемы же именно атрибуты. Или же когда мы затем говорим, «что Всевышний не есть и не описываемый атрибутом» — эта фраза подобна первой, поскольку отрицает за Всевышней оностью то, что не подверглось отрицанию в первой фразе (т.е. фразе «что Он не описываем атрибутом»). А именно, действие [отрицания] в нашей фразе «Он не есть и не описываемый атрибутом» направлено на те вещи, для которых лишенность атрибутов является характерной (таковы души и Разумы, кои выше того, чтобы носить атрибуты тел), дабы отрицать за Всевышней оностью то, что является принадлежностью сих вещей с их самостями, каковы они суть; сама же Всевышняя оность упомянута нами, когда мы говорим «Он», а упомянутый утверждён, и оность есть, отрицанию же подверглось все то, что говорится о сих вещах, так что нет здесь порочного отрицания [Бога] или чего-либо в сем роде.

Поразмыслив над сим непредвзято, всякий поймет, что все погрешившие против истины украшали учения свои, стремясь в утверждении единобожия к тому же, к чему стремимся и мы, когда используем частицу «не» для отрицания за Всевышним того, что принадлежит иному. В особенности это относится к мутазилитам, которые, начиная с изложения основ учения и украшая свои сочинения, говорили, что Всевышний не описываем атрибутами тварного. Эта фраза подобна нашей, когда мы говорим, что Всевышний не описываем атрибутом и что о Нем не говорится то, что говорится об имеющем определение; а это высказывание подобно тому, когда мы говорим, что Всевышний не описывается атрибутом и в то же время не есть не-описываемый атрибутом (то есть не подобен тому, для кого отрицание определения стало атрибутом). Это их высказывание есть основа нашего учения, и, на нее опираясь, мы утверждаем, что не говорим о Всевышнем ничего, что говорится о тварном, — именно этого мы хотим достичь утверждением единобожия и именно на это направлены наши речи.

Однако мутазилиты утверждали единобожие на словах, в сердце же держали убеждения безбожников, ибо первоначальное их утверждение, что Бог не описываем атрибутами тварного, оказалось опрокинутым, когда они Всевышнему приписали атрибуты, причитающиеся тому, что не есть Бог, ибо говорили, что Он есть Живой, Знающий, Могущественный (и прочие атрибуты). Боже упаси! Мы ведь говорим: [Он] не есть то-то, например: [Он] не описываем атрибутом; это высказывание утверждает то, что не описывается атрибутом. Если сказать: и не то-то, например, и не не-описываемый атрибутом, причем сей «не-описываемый» не есть то же, что отрицалось частицей «не» в первой фразе, то это будет утверждением того, что не есть то (то не есть то, что утверждалось в первой отрицающей фразе), а именно — утверждением того, что не есть ни описываемое, ни не-описываемое атрибутом. И так далее, пока частица «не» не охватит все сущее без остатка, отрицая в каждом высказывании то, что она утвердила в предыдущем, и утверждая иное, вовсе не имеющее атрибута: отрицание всего будет означать утверждение иного, лишённого всего (*муджаррад*), а именно — Всевышнего, который превыше атрибутов того, что имеет атрибуты, который вознесен над тем, чтобы частица «не» могла бы отрицать Ему причитающееся (так что сии врата познания оказываются запертыми), ибо нет у Всевышнего того, что частица «не» могла бы пресечь, умалив Его величие; Он в ослепительном блеске своего господства и превознесенности таков, что постигающая мощь разумов иссякает, а светильники познания гаснут.

Сей способ утверждения единобожия, когда берется сущее и отрицается оно само и его атрибуты, чтобы утвердить искомое, свободное от его признаков, не является неизвестным. Его использовали арабы в иных целях, являя в том образцы красноречия. Известно, например, такое описание щедрого и гостеприимного мужа: «Они мало пасутся, часто становятся на колени, а,

заслышав звуки лютни, убегают: их ждет погибель»⁹. В этой фразе описаны верблюды, которых сей муж часто ставит на колени у себя во дворе и не пускает пастись, дабы можно было быстро заколоть их на угощение, а, заслышав мелодию лютни, верблюды сразу понимают, что сейчас будут заколоты. Эта фраза утверждает, что сей муж щедр и гостеприимен, причем атрибут этот ему не приписывается непосредственно в специально имеющих такой смысл словах. И не вследствие отсутствия способностей идти сим путем красноречия к предельной цели выразительности и понимания становятся ясные речи темными, а красноречие — косноязычием; о нет, мы шли совершенно ясным путем единобожия, на котором нет ни единого пятнышка.

Короче говоря, несостоятельность утверждения единобожия посредством утверждения (*исбāt ва иджаб*)¹⁰ за Всевышним атрибутов (а Он выше их) как истинных (а не метафорично или как-либо еще в этом роде, к чему бывают принуждены люди ради красноречивости) становится ясной при исследовании сего вопроса. А именно, когда приписывают Ему атрибуты, то либо приходят к невозможному, чего нельзя сказать о Всевышнем, либо уходят в бесконечность, что означает небытие сущего; и то и другое уничтожает единобожие. А именно, если то, на что сущее опирается в своем бытии, не является утвержденным (когда оно было бы утверждено само по себе и не нуждалось ни в чем ином), но для утверждения своей оности нуждается в ином, причем оность сего иного такова же, как и его, так что сие иное будет нуждаться в другом ином, и так до бесконечности, то от него самого не проистечет действие (ибо утвержденность его самости обеспечивается иным, и этим он отвлекается от действия), а значит, не от него самого будет существовать сущее, но всегда от иного. То же ты можешь увидеть на примере чисел, существование коих связано с единицей: если не утверждена она, то и прочие числа не удержатся в бытии. Однако само сущее, бытийствуя, бытием своим глаголет о ложности того, что уводит в бесконечность; а ложность того, что уводит в бесконечность, влечет и ложность высказываний, приписывающих Ему атрибуты (Он выше и славнее атрибутов!).

⁹ Эти слова — из хадиса от ‘А’иши: одиннадцать женщин собрались и договорились, что поведают все о своих мужьях, ничего не утаив. Каждая при этом высказывалась метафорически; данное высказывание принадлежит десятой собеседнице. Хадис зафиксирован ал-Бухарӣ с другим порядком первых двух синтагм: «Мой муж — хозяин, да что за хозяин! лучше и не бывает: у него много верблюдов, которые часто встают на колени, мало пасутся...» (ал-Бухарӣ 4893: ал-Джāми‘ ас-Сахїх ал-Мухтасар / Ред. Мустафа Диб ал-Буғā. 3-е изд. Т. 5. Бейрут: Дār Ибн Касїр/ал-Йамāма, 1987, с. 1988; параллели у Муслима и ан-Насā’ї). Хадис нередко упоминается классическими авторами, причем его разъяснение почти буквально совпадает с тем, что дает ал-Кирманӣ.

¹⁰ В оригинале два термина, которые представляется трудным развести в переводе. Мы обращаем внимание на это высказывание, где *исбāt* «утверждение» и *иджаб* «делание необходимым» употреблены как синонимы. Это отождествление важно для понимания однокоренного с *исбāt* термина *субūt* «утвержденность».

Мы покажем на примере одного атрибута, как это приводит к невозможному, из чего будет следовать тот же вывод для всех остальных атрибутов.

Итак, мы скажем: существование (*вуджуд*) — один из атрибутов; утверждение, что оно должно быть приписано Всевышнему как истинный атрибут, приводит с необходимостью к выводу о том, что у Него, во-первых, есть Всевышняя самость (да славится Всевышний Бог!), которая имеет существование как атрибут, а во-вторых, сам сей атрибут, существование, ибо Всевышний — не сей атрибут, а сей атрибут — не Всевышний. Тогда сей атрибут, приписанный Всевышнему, неизбежно должен быть обусловлен либо Его самостью (а она выше этого!), либо чем-то иным. Если сама Его самость вызывает и обуславливает сей атрибут, то необходимость его будет связана с утвержденностью этой самости самой по себе, прежде сего атрибута и без него, дабы она могла тогда произвести это действие — вызвать необходимость [атрибута]; а изначальная утвержденность самости означает, что нет ничего ей в том препятствующего и что она не нуждается ни в чем, что как-либо уводило бы ее в сторону от этой утвержденности. Если же самость утверждена без этого атрибута и не нуждается ни в чем, что уводило бы ее в сторону от утвержденности, а существование — атрибут, с которым утвержденность никак не связана, то совершенно ясно, что для самости в этом атрибуте нет нужды (ибо сама она утверждена), а значит, нет и необходимой потребности (когда бы, обуславливая его, она приобретала то, чего у нее не было). А коль скоро она в нем не нуждается и не испытывает в нем необходимости (когда бы, обуславливая его, она приобрела то, чего у нее не было), то и приписывать его Ему как обязательный явно невозможно и не соответствует Его достославности, невозможное же нельзя приписывать Всевышнему.

Это в том случае, если обязательность сего атрибута соотносится с Его самостью, которая утверждена прежде сего атрибута. Если же приписать этот атрибут Всевышнему таким образом, что самость не будет предшествовать ему по утвержденности, но они будут в том равны, то это вызовет потребность в чем-то ином, что сделало самость особой (так что она не есть сей атрибут) и атрибут особым (так что он не есть сия самость) — ведь самость не свободна от сего атрибута, как было бы, если бы она его делала необходимым, но сей равный с самостью атрибут не вызван ею и не ею сделан необходимым. Тогда получается, что утвержденность самости связана с необходимостью иного; если же необходимо иное, то и о нем придется говорить подобным образом, и так до бесконечности, что явно невозможно.

Итак, если иное, а не Он, вызывает необходимость сего атрибута, то речь пойдет, как мы сказали, до бесконечности, против чего свидетельствует разум, ибо сущее утверждено. И коль скоро необходимость сего атрибута приводит к тому, что мы показали, а сие ложно, и все атрибуты подоб-

ным же образом влекут невозможное, то Всевышний, следовательно, свободен от атрибутов (которые суть под дланью Его творения) и вознесен над ними, Он есть действительный их и всех вещей.

Поэтому, если мы и говорим о существовании Всевышнего Бога, то лишь в качестве вынужденной формы выражения, ибо душа не может пользоваться ничем, кроме возникшего, знание о котором получено через чувство. Оно (существование. — *А.С.*) — один из атрибутов действия, проистекающего от Всевышнего в мироздании, обозначаемое как Первое Сущее и Первый Разум. [Проистекающее] от Него действие не обращается на Его самость и не воздействует на нее, как то бывает с нашими действиями, которые, изливаясь в бытие, влияют на наши души и приносят им то, чего у них не было (это мы объясним с Божьей помощью в надлежащем месте); нет, Его действие утверждено и актуально, в чем и заключается разница меж сими двумя действиями. И пусть упрямец не утверждает обратное, уподобляя необходимую утвержденность самости [Бога] атрибутам (о коих мы говорили), приходя в том к замешательству и вступая на бесовский путь, затемняя дело и вводя в заблуждение, выстраивая невозможное. Здесь следует говорить только необходимое, что утвержденная самость [Бога] превышает атрибутов (всеславлен Бог и велик!), а существование сущего нуждается в утверждении со стороны Всевышнего, на коего и опирается сущее в своем существовании (как мы то показали ранее). Так запираются двери безбожия; всеблаг и всевышен Господь миров, ничто из сущего не соучаствует Ему, поскольку Он есть Он, и нет иного бога кроме Него; лишь Бог дарует крепость и силу; на Бога уповаю и к Нему взываю во всех делах своих; Бог о рабах Своих зоркий попечитель.

Квартал третий
О Пере, или Первом Сущем
с семью улицами

Улица первая
**Об утверждении Сотворенного (мубда'),
кое есть Первое Сущее;
о том, что его существование — не от его самости,
что оно — причина всего сущего и что оно ни тело,
ни сила в теле
и не принадлежит телесному миру**

Мы скажем: Всевышний вознесен над всеми степенями совершенства и ущербности, единства и множественности, частица «не» бессильна отрицать у Него атрибуты или носителей атрибутов, от коих неотъемлема черта

сотворенности: Он, как мы показали, вне пределов того, к чему разумы могут отыскать дорогу силой своего света и движения мысли, и закрыт путь постижения Его каким-либо атрибутом. Однако то, что ниже Его, есть сущее — носитель атрибутов, и в наших силах найти способ содержательно говорить о нем.

Итак, коль скоро разумам посильно говорить, используя сущие в сотворенной природе атрибуты, именно о том, что кроме Него (*mā sivā-hu*)¹¹, чье существование сотворено Им, то мы скажем, что идущее в существовании первым, как представляется, не было, а затем стало путем творения не из чего-либо и не посредством чего-либо, и не в чем-либо, и не через что-либо, и не для чего-либо, и не с чем-либо. Оно — Первое, и в порядке существования его существование — утвержденное и первое; оно — Первый предел (*nihāya*) и Первая причина (*'illa 'ilā*), с которой связано существование прочего сущего, устремленное ко Второму пределу. Так же и в порядке существования чисел единица — первая и утвержденная, ибо она — первый предел и первопричина, с коей связано существование прочих чисел, устремленное ко второму пределу. Такова утвержденность его (Первого Сущего. — *A.C.*) в порядке сущего.

Что касается направленности действия и его необходимого излияния в существование, то если существование первого не утверждено, то и второму закрыта дорога существования, а если существование второго не утверждено, то третьему закрыта дорога существования. Значит, второе и третье могут обладать существованием только тогда, когда утверждено существование первого для них, которое и есть причина их существования.

Итак, существование третьего, четвертого и прочих сущих доказывает существование первого из них, утвержденного, которое есть такая причина, что не будь ее, не было бы и прочего. Так существование сущего утверждает наличие некоего первоначала (*maḥda' 'avval*), от которого и проистекает упорядоченность сущего в существовании. Сие первоначало мы именуем Первым Разумом и Первым Сущим, существование коего — не от его самости, а благодаря сотворению его Всевышним.

...

Когда сие установлено, а именно, что самодостаточное, не нуждающееся в ином для своей актуальности и есть Первое Сущее, совершенное и первенствующее, мы спросим, может или нет сие Первое Сущее быть тем самым вознесенным над атрибутами Всевышним, с которым связано существование сущего? Да примет душа со спокойной уверенностью результаты нашего расследования: нет, никак не может. Ведь сие [Первое] Сущее либо явило все сотворенное, либо само является Первым Творением. Оно не мо-

¹¹ «То, что кроме Бога» (*mā sivā 'allāh*) — термин доктринальной и философской мысли ислама, обозначающий мир.

жет быть Тем, от Кого явилось творение, ибо существующее от него (Первого Сущего. — *А.С.*) ущербно в своем акте; между тем непреложное суждение гласит, что будь оно явившим творение, то от него существующее было бы совершенным, не нуждающимся в ином для своей актуальности. Коль скоро ложно, что от него появилось сотворенное, то оно есть Первое Творение, совершенное в своем акте и не нуждающееся для него в ином, каковое иное существует от него, ущербно и нуждается для своей актуальности в ином; оно — первое в существовании, опережающее в существовании прочее, полное в существовании, полнота существования, Первый Разум, Первая Граница, Первое Творение, занимающее первый разряд существования. Это оно, как представляется, не было, а затем стало, сотворенное совершенным и вечным; оно есть Приближенный Ангел, Величайшее Слово; и нет бога, кроме Сотворившего его.

Правильность нами сказанного о распадении и восхождении к чему-то одному утвержденному, пределу всех вещей, подтверждается тем, что дедуктивно вытекает из существования мира [законо]уложения (*'ālam al-waḍ'*)¹², пророческого произведения, о коем заповеди нам незыблемо свидетельствуют, из того, что этот мир соответствует Божественному произведению. То, что дает человеческой душе совершенство, жизнь и актуальность, мы разложили на то, из чего оно возникло, и обнаружили, что оно множественно, объединено же двумя вещами. Это, во-первых, Закон (*sharī'a*) и его столпы, кои суть обряды поклонения знанием и действием: первое доставляет душе формы, второе исправляет ее. Сей Закон относится к совершенству человеческой души так же, как макрокосм, вмещающий небесные сферы, первоэлементы, планеты и природные силы, относится к телу человека и его душе (а сие множественное уравнивается пророческим произведением и соответствует ему). А во-вторых, это имам, объединяющий земные границы, которые сохраняют Закон, распространяют познания о нем, призывают знать и действовать по Закону; лишь благодаря им, благодаря их научению становится человек человеком. Влияя на душу человеческую научением своим и указуя верный путь, приводя ее к ступени совершенства и уровню разумов, они для совершенства сей души — то же, что для мира актуально-сущие ангелы, коим препоручен мир¹³ и кои оказывают свое влияние на его тела и природные силы, дабы вывести в бытие все, что может существовать из числа животных, растений и минералов. Их (ангелов. — *А.С.*) существование в Божественном произведении равносильно и соответственно их (земных границ. — *А.С.*) существованию в

¹² *Мир [законо]уложения* — одно из наименований, используемых ал-Кирмāнī для обозначения «мира религии», или «общины истинной веры», т.е. исмаилитского социума.

¹³ Так ал-Кирмāнī называет десять космических Разумов.

пророческом произведении: как первоэлементы и силы их сами по себе не способны своим актом породить от себя производное, но только посредством на них воздействующего, и на них воздействующее само по себе [не способно на это], но лишь посредством первоэлементов и сил их, оное воздействие претерпевающих, так же и знание Закона и его основ распространяется только земными границами, которые и распространяют эти знания, открывая в них таящееся, и сами по себе сии границы не могут воздействовать на души, но могут лишь посредством начертаний, установлений и наук Закона. Таково меж ними равновесие и соответствие.

Затем, дабы добыть правдивое свидетельство правильности нами сказанного о том, на что распадается мир и в нем действующее, мы посмотрели, на что распадаются Закон с его столпами и частями, земные границы, его осуществляющие, и из чего все это возникло. И вот мы обнаружили, что они распадаются не на столь же множественное, сколь множественны столпы Закона, им установленное знание и действия, но на меньшее. Первое из сих двух — Писание со всей недостижимостью его красноречивых форм; оно уравновешивает и соответствует тому, на что распался мир со своими столпами¹⁴, небесными сферами и планетами, а именно — первоматерии, которая составляет единство со своей формой. Второе же — исток (*'acās*), сохраняющий сие Писание, из коего проистекает Закон; Писание для него наподобие материи: в нем он действует, извлекая таящееся в нем знание, распространяя его, поддерживая Закон и укрепляя его. Он равен и соответствует Ангелу, воздействующему на перво материю и форму, из которых [образовался] телесный мир и мир Природы.

...Из нами сказанного ясна утвержденность Первого Сущего — что существование его проистекает не от него самого, что оно — действие, воздействующее и подвергающееся воздействию в самом себе, что оно — предел, к которому восходит все сущее, что оно ни тело, ни сила в теле и не принадлежит миру телесному.

Далее приведено наглядное изображение сих сущих в их взаимной уравновешенности и взаимном соответствии; исполнен благодати Господь миров, нет бога кроме Него, Всеславного и Всевышнего, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Богу прибегаю и на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель.

¹⁴ *Столпы (аркән) мира* — четыре первоэлемента (огонь, воздух, вода и земля). Ал-Кирмāнī называет их столпами мира, подчеркивая аналогию между «миром Природы» и «миром религии»: как второй держится на «столпах»-устоях поклонения действием и знанием (первые обязательны для каждого мусульманина и именуются в исламе «столпы религии», вторые специфичны для исмаилитов), так и первый основывается на четырех «столпах».

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МИР ЕДИНСТВА

Первый Разум

Второй, актуальный Разум

Потенциальный Разум — первоматерия и форма

Ангелы, коим препоручен мир Природы; они множественны и происходят один от другого

Мир Природы со всеми небесными сферами, светилами и прочим; он множествен

Человек как тело и душа; телесное совершенство человека как двоица, обнимающая множественное

Ангелы, коим препоручен мир Природы; они множественны и происходят один от другого вплоть до Второго Разума, а тот — от Первого Разума

Мир Природы со всеми небесными сферами, звездами и столпами; он множествен, а бытие этой множественности — от первоматерии и формы

Хвала Богу, наставившему нас и давшему нам силы следовать наставлению; да пребудет с нами водительство Бога и Его наместника на земле (да благословит его Бог!); лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МИР РЕЛИГИИ

Глаголющий

Актуальный имам — исток (мир ему!)

Потенциальный имам — Писание

Хранящие Закон имамы; они многочисленны

Закон, охватывающий поклонение знанием и поклонение действием; он множествен

Человек: он человек благодаря совершенству души; совершенство души человека как двоица, обнимающая множественное

Имамы, коим препоручено хранить Закон; они множественны и происходят один от другого вплоть до истока

Закон, охватывающий поклонение знанием и поклонение действием; он множествен и происходит от Писания

Квартал четвертый
О Пере, Скрижали и верховных первоначалах
(кои суть небесные буквы),
существующих от Творения,
которое есть Первое Сотворенное
с семью улицами

Улица пятая
О небесных буквах, что в мире Первой Эманации
суть верховные первоначала;
о числе их, о том,
что от каждой из них произошло и как именно

У всех людей, стремящихся что-то познать и достичь, есть свои законы, к которым они обращаются. Сии законы — как бы весы, коими проверяется соответствие найденного истинному устройению. Для языковедов, к примеру, законы познания языка и весы, коими отделяют они ошибочные высказывания свои от правильных, представлены грамматикой; для *фалāсифа* — а *фалсафа*, как они утверждают, есть познание смыслов бытия (*ма'āни ал-вуджūd*) — такими весами служит логика; для поэтов такие весы — в знании правил стихосложения и метрики; для землемеров, определяющих размеры участка, его длину и площадь, — локоть, а для весовщиков — гири и безмен.

Что ж до людей веры и богопочитания, следующих за потомками славного рода, владыками нашими¹⁵ (да благословит их Бог!), то и у них есть весы, коими истинно познается все связанное с их исповеданием. С их помощью узнается правильность известий о единобожии и положении границ, сообщенных пророками Бога, проповедовавшими поклонение Ему. Сии весы таковы, что согласное с ними является истиной, а несогласное — ложью; это они столь притягательны для разума, стремящегося с их помощью познать как данное ему, так и от него ускользающее. Они — знамения творения Божьего как «в землях», что суть мир телесный со всем в нем движущимся и покоящимся, так и «в душах», что суть все богоприближенные: пророк, заветник, имам, последователь, — а также в ниспосланных Им Писании и установлениях Его, воздвигнутых по подобию им в бытии предшествующих миров. О том сказано в решении Всевышнего, речении истинном: «Мы явим им Наши знамения в землях и душах их, дабы стало им ясно, что это — истина»¹⁶. Итак, тех указаний и законов, что согласуются и соответствуют Божьему творению, они придерживаются с уверен-

¹⁵ Т.е. имамами, которых признают исмаилиты.

¹⁶ Коран 41:53, пер. мой. — А.С.

ностью в их правильности, а те [законы], что с оным не согласуются и ему противоречат, оставят они, уверенные в их неправоте; то же, что от чувств скрыто (как то закономерность Закона и корень сотворенного), почитают они устроенным по подобию оных весов.

Всевышний поставил пророка (да благословит и приветствует его Бог!) руководить продвижением рабов Своих к тому, что дарует им благо, то есть к поклонению знанием и действием. Он укрепил его Царствием Своим и сделал его совершенным, дабы тот совершенством своим поправил их многообразную ущербность и добродетелями своими закрыл брешь немощности их в искании благ как мирских, так и религиозных, дабы ему (и замещающим его) взять на себя тяготы тех исканий, для людей обременительные и непосильные, приведя их к чистым родникам научения. Так явил Он им Свой благодетельный дар, Свое могущество и милостивое о них попечение.

О сем сказал Всевышний так: «Он произвел сады с подпорами и без подпор; пальмовые деревья и посевы, от которых снеди различны; маслины и гранаты, похожие и непохожие одни на других: ешьте плоды с них, когда они плодоносят, но давайте должное во время жатвы, и не будьте неумеренны, потому что Он не любит неумеренных. Из скота одни для перевозки тяжестей, другие же малые. Ешьте из них тех, которых дает Бог в пищу вам, не следуйте по стопам сатаны: он вам отъявленный враг!»¹⁷. Как научал глаголющий (*нāṭīq*) последователей своих, истолкование сего таково: Всевышний создал Себе границ, одних в царстве Разума, других в царстве чувства; каждый из сих границ — как сад, обильный божественными науками, о чем и говорит Всевышний: «Он произвел сады». Одни из сих границ не нуждаются в опоре на иное для своего существования, о чем и говорит Он: «и без подпор», другие же должны в существовании своем опереться на иное, как Он и говорит: «с подпорами». Плод, даваемый теми границами (то есть сообщаемые ими науки), различен: тут и проистекающее от поддержки, разумное¹⁸, тут и связанное с поучением, сенсительное; о том сказал Он так: «Пальмовые деревья и посевы, от которых снеди раз-

¹⁷ Коран 6:141–142, С. изм. *Малые*: в оригинале *фарш*. Г.С. Саблуков и Abdallah Yousuf Ali переводят это слово как «для заклания в пищу», И.Ю. Крачковский — «для подстилки». Слово *фарш* означает «домашняя обстановка», «нечто расстилаемое»; на это значение опирается И.Ю. Крачковский, его же использует ал-Кирмāни в последующем толковании данного аята. Это слово означает также «малый скот, негодный для перевозки тяжестей»; именно так мы считаем нужным переводить его здесь, опираясь в этом мнении на «Словарь коранических слов и выражений» (*Махлūф Х.М.* Калимат ал-кур'ан: тафсир ва байāн. Бейрут, [б. г.]). Под «малым скотом» понимаются овцы, бараны и т.п., которых как раз и употребляют в пищу и шерсть которых используется для изготовления одежд и подстилок.

¹⁸ Ал-Кирмāни говорит о знаниях, ниспосылаемых непосредственно «миром Свято-сти», т.е. Разумами. Такое ниспосылание и именуется «поддержкой» (*та'ийд*).

личны». Научение двух истоков, их воззвание во времена их и два русла в дни их похожи и непохожи одно на другое: «Маслины и гранаты¹⁹, похожие и непохожие одни на других», — и пусть будет на пользу вам, когда один из них призовет к единобожию и поклонению действием и знанием: «Ешьте плоды с них, когда они плодоносят», и да отдадите вы должное Богу, укрепив веру и отправляя обряды религии (что и есть для вас должное Богу); но не отступайте при том от необходимого в делах поклонения, дабы не впасть в неумеренность: глаголющий или имам своего времени, наместник Бога на земле Его, не хочет от вас этого и не учит вас брать на себя то, что вам не поручено, ибо излишество в делах Божьей веры уже не есть Божья вера.

Затем Всевышний изрек: «Из скота одни для перевозки тяжестей, другие же малые», — то есть воздвигнутые Им земные границы возьмут на себя вместо вас тяготы и бремя поиска должного и истинного в делах Божьей веры, научат вас и приведут вас к родникам благодати единобожия и несомненного поклонения Ему в явном и скрытом, как верблюды несут вместо вас ваши грузы в путешествиях или разъездах. Например, небесно-поддержанный имам (мир ему!) чрез своих границ (а именно, хужжей и проповедников) дает вам доступное объяснение религии и разъяснение ее символов, что служит вам как будто одеждой и подстилкой, так же как из пуха и шерсти животных производят подстилки и одежды. Не упустите же пользы своей в том, что Бог среди вас установил имамов и их хужжей, напитайтесь от них науками единобожия и поклонения Ему в явном и скрытом, а также и всем прочим, что изложено нами в трактате, известном под названием «Ночной».

А также установил Он его (глаголющего. — А.С.) как подобие Первой Границы, дабы, познавая его и ранг его, узнавать нам и ту Границу. Ведь Всевышний сказал, что подобие доброго слова — как доброе дерево²⁰, какового речения смысл истолковывается следующим образом: подобие Слова, кое есть актуально сущая в мире Творения Первая Граница — как доброе дерево, то есть как глаголющий, актуально сущий в мире Природы.

Посему он (Мухаммад. — А.С.) (да благословит Бог его и род его!), научая нас о сущем, ведя к обретению счастья, составляя Закон и распространяя божественное водительство, решил явить сходство с произведением величайшего Мастерского, дабы был Закон его равновесным и соответствующим сотворенному миру: ведь сей Закон — весы для определения

¹⁹ В оригинале употреблены имена собирательные («маслина» и «гранат»), имеющие грамматически единственное число, поэтому формально в аяте речь идет о *двух* деревьях, которые и ставятся в соответствие двум иерархам мира религии.

²⁰ «Не размышлял ли ты о том, в каком подобии представляет Бог доброе слово? Оно подобно доброму дереву, которого корень крепок и которого вершина на высоте» (Коран 14:24, С.).

божественных знаков и примет. И вот против всякого сущего он установил некое установление или предначертание, дабы на высшие из границ Божьей религии, каковы они, указать посредством низших, здесь имеющих, и дабы, этих познавая, охватить и те возвышенные вещи и запечатлеть ранги их; и дал он сие знание в полное распоряжение тем, кто будет замещать его (так что лишь они добродетелью сего знания отмечены), и установил последователей их, к ним примыкающих, добропослушных и Всевышнему поклоняющихся.

Поскольку сие таково, то, говоря о необходимом бытии небесных границ, что не тело и не в теле, пожиная истинное знание о рангах их и об их числе, мы правильность того подтверждали весами вероисповедными, вперив взор в закон пророческого произведения и божественного предания, уравновешивая все явленное глаголющим и установленные им ранги земных границ подобиями оного (в чем питала нас сила и мощь наместника Бога на земле Его — да благословит его Бог! — нас осенившая), дабы представить нам незыблемый Верховный промысл о тех, кто находится в мире Природы, и отдать тому должную благодарность.

И вот, по местоположению глаголющего в сем мире, по тому, что он — полный разум, путеводящий тех, кто ниже его, собрание пророческих добродетелей и царственных светов, что он не нуждается ни в ком ином и служит причиной для существования земных границ, мы заключили, что в мире Творения есть ненуждающийся сотворенный чистый Разум, причина для существования, в частности, небесных границ, и в целом — всего сущего. По тому, что он (да благословит Бог его и род его!) оставил народу своему Писание и установления свои, а также заветника (*вақийй*), коему дал свое место, мы заключили, что сущих от того Первого Разума два и что один из них выше другого так же, как актуально сущий заветник, опекающий все им (глаголющим. — А.С.) явленное, выше им (глаголющим. — А.С.) оставленного.

По тому, что полнота (*тамāmиййа*) цикла его достигается чрез семерых исполненных (*атиммā*'), из коих каждый назначаем предшествующим вплоть до истока, и что каждый из них трудится в пределах одного из столпов веры и основ ислама, глаголющим принесенного, дабы явить в оном содержащиеся премудрости и знания, мы заключили, что сущего от Первого Разума и Первой Эманации — семь Разумов, кои существуют один от другого вплоть до Первой Эманации, и что каждый из них сияет и струится в сущих от Первого [Разума] первоматерии и форме, из коих пошли быть небеса и земля, а также движение их. По тому, что цикл исполняется семерыми после глаголющего и истока, а десятый, заняв местоположение глаголющего, взывает к новому в ином цикле (согласно ранее показанной формуле), мы заключили, что, достигнув десятого Разума, эманация, согласно сей формуле, прекращается и уж не производит подобного и что

десятый [Разум] занимает место Первого в распоряжении делами царства тел. По тому, что меж [приходами] семи исполненных бывает много имамов (как мы то показали в наших трактатах «Единственный о потустороннем» и «Наставляющий»), мы заключили, что между семью Эманационными Разумами есть много ангелов, согласно множественности сфер в телесном царстве. А по тому, что ранги [всех] имамов суть нечто единое постольку, поскольку все они исполняют имамскую миссию и совершенны, мы заключили, что ранги [всех] Разумов суть нечто единое постольку, поскольку все они свободны от тел и материй.

Затем мы обратились к числам и тем рангам, что занимают они в существовании; и вот, сами они явили согласие и соответствие нами изложенному. А именно, единица существует потому, что есть два неделимых элемента (*фардāн*), составляющие воплощенность ее самости: единство и носитель единства. Каждый из них столь же неделимо-элементарен, как и другой, и в этом смысле они — один чистейший неделимый элемент, но они же — два таких элемента в том смысле, что один из них носитель, а другой — несомое.

Коль скоро это так, то равновесность устройства означает, что существование Сотворенного, то есть Единицы и Первого в царстве Творения, должно проистекать от двух неделимых элементов, составляющих причину его существования и воплощенность его самости: один из них — жизнь, являющаяся первым совершенством, а второй — все к тому прилагаемое (как мы показали), то есть второе совершенство; носитель столь же сотворен, сколь и несомое, и наоборот, и в этом смысле они — один чистейший неделимый элемент, но они же — два таких элемента в том смысле, что один из них носитель, а другой — несомое. И точно так же глаголющий в царстве Природы имеет две соотношенности: через форму свою — с миром Святости, а через материю свою — с миром Природы; по самости он неделим, ибо един и единичен, а по соотношенностям он — двоица. А явилось Творение неделимым с одной стороны и парой — с другой, дабы тем было ясно доказано: через ту парность, служащую признаком того, что носитель ее произведен в существование, — что оно не первично-вечное, но приступающее в существовании своем к своему славнейшему Творцу; а через неделимость его — что оно является первым из произведенного.

Улица седьмая

**О том, что сущие, эманировавшие из Творения
(то есть Первого Сотворенного),
существуют не во времени и что все они,
за исключением первоматерии,
являются чистыми формами, первоматерия же едина,
с одной стороны, и множественна — с другой;
о том, что они разумеют только самих себя и то,
что им предшествует в бытии;
что форма их есть форма человека, оную не превышающая;
что светы их разлиты в телах и душах, на оные воздействуя,
и что с ними связано существование сущего**

Мы скажем: все действия распадаются на три части. Во-первых, высшее и наиболее совершенное из них то, что бывает не во времени (*lā bi-zamān*); таковое именуется творением. Во-вторых — среднее, то, что бывает со временем: оно именуется эманацией. В-третьих, низшее и наиболее презренное из них то, что бывает во времени: оно именуется возникновением.

Во времени бывает действие, проистекающее от такой действующей причины, которая встречает препятствие в осуществлении своего действия — либо со стороны собственной самости, когда та обременена таким препятствием, либо со стороны той материи, в которой она действует, когда она материя не способна принять [воздействие] целиком и единожды, либо и с той и с другой стороны: сие относится к миру возникновения и гибели (например, к искусственно созданному).

С временем бывает действие, проистекающее от причины, действующей либо на собственную самость, либо на нечто иное, предельно восприимчивое: сие относится к бестелесным самостям и небесным телам, ибо они актуально существуют.

А не во времени бывает действие, проистекающее не от причины, действующей на собственную самость или нечто иное, и не от причины, встречающей препятствие со стороны собственной самости или своей материи, но от Всевышнего, неизмеримо вознесенного над всем подобным. Поскольку сущее в царстве Творения и Эманации проистекает не от причины, действующей на собственную самость или нечто иное, и не от причины, встречающей препятствие в собственной самости или своей материи, то отсюда необходимо следует, что существование оно сущего не во времени.

В мире рождения и смерти порождаемые вещи следуют в существовании одна за другой, и в мире религии одна обязанность выполняется после другой, за одним законом следует другой, один имам сменяется другим. Все это — результат препятствий, не дающих действующим причинам осуществить свое действие: либо препятствий в самих их самостях, когда те отягощены такими материями, кои позволяют им исполнить свое действие

не иначе как во времени, либо препятствий в тех материях, на которые они воздействуют, когда оные материи не способны принять [воздействие] сразу и целиком, но лишь в какой-то продолжительности и во времени. Солнце, например, является действующей причиной нагрева; когда оно нагревает камень, который приемлет это его действие, то распространение теплоты солнца в камне не может осуществиться не во времени в силу тесноты субстанции камня и уплотненного расположения его частиц, одна с другой сливающихся. Нагрев же воздуха происходит противоположным образом, и эта [разница] обусловлена не самим солнцем, а телом, приемлющим его воздействие.

Что же до царства Творения и Эманации, то в нем нет никаких препятствий, ибо оно свободно от всяких препятствующих материй и лишено оных, содержит лишь чистые формы, не обладающие и не связанные ни с какой материей, которая могла бы воспрепятствовать осуществлению их воздействия. Если же в нем нет никакого препятствия, то сущее в нем существует не во времени, но сразу — так же, как луч солнца озаряет небо, свод не во времени и огонь освещает все углы темного дома сразу, а не во времени. Так же и Природа, рождая сущее, подражает сим вневременным действиям. Она, например, создает на верхушках [финиковых пальм] пыльцу сразу со всеми цветками, отдельными плодами и целыми гроздьями в наименьшем их виде, а не производит сначала одно, затем другое (что связано с первым совершенством), или вылепляет из цветка гранат наименьшей формы и тончайшего сложения, но сразу со всеми зернышками, внутренними перегородками и кожей, а не порождает сначала одно, затем другое. Поскольку все эти вещи и первоначала существуют именно таким образом, все сразу, в противоположность тому, как существуют земные границы (ибо те с самого начала обладают предельным совершенством, эти же вначале крайне ущербны), то невозможно, чтобы их существование было во времени и в какой-либо продолжительности.

Кроме того, поскольку Творение (то есть Первое Сотворенное) — самость действия, проистекшего от Всевышнего, и поскольку оно актуально (а не потенциально, когда бы можно было представить себе некую продолжительность и время между состоянием его потенциальности и обретением им актуальности посредством объятия собственной самости, с каковым объятием и связано существование всякого Эманационного Разума), из этого вытекает, что существование Творения влечет совместное с ним существование всей целокупности; а коль скоро это так, то существование сего сущего не имеет отношения ко времени и все оно существует целокупно.

Кроме того, эманация проистекает от Творения (то есть Первого Сотворенного) потому, что оно объемлет свою самость и испытывает ликование. Однако дело обстоит не так, что Творение (то есть Первое Сотворенное), получая существование, не объемлет в то же время свою самость и не ис-

пытывает ликования, но как только оно есть, так оно и обнимает [ее] и ликует; а раз так, то и сущее от него существует не во времени, но совместно.

...Далее: они, Разумы царства Творения и Эманации, суть подобие человека: их формы не преступают формы его. Ведь закон мудрого устройства гласит, что первый предел вещей должен быть схож со вторым их пределом, а второй подобен первому, дабы, когда второй предел будет принадлежать к природе первого предела, установилась согласованность, устроенность и равновесие меж обоими пределами сих вещей, что и позволит совокупно собрать все эти вещи в существовании. Когда такого нет, то и не обладать им существованием, ибо подобному свойственно сблизиться и, раскрываясь, распространяться, противоположности же — удаляться и, свертываясь, сжиматься. Не может вещь иметь пределом то, что неоднородно с ней, будь то и первый, и второй предел, ибо тогда существование было бы не согласно с мудростью устройства, что невозможно. Существование вещей зиждется на взаимном согласии, а не на взаимном различии.

Начальный и Конечный, то есть первый и второй пределы, — два подобия, чрез кои и собрана вся совокупность существования: первый предел и стал для него (существования. — *А.С.*) Начальным, а второй предел — Конечным²¹. Ближайшим к первому пределу, то есть к Начальному, является находимое во втором пределе, то есть в Конечном, когда тот перевернут к нему; и ближайшим ко второму пределу, то есть к Конечному, является находимое в первом пределе, то есть в Начальном, когда он повернут к тому. Сей переворот и поворот возможен лишь благодаря взаимному соответствию; не будь его, невозможны начальность и конечность, а когда невозможны начальность и конечность, невозможно существование. Ведь утвержденность первого предела, который является Начальным, заключена в том, чтобы принадлежать к тому, для чего он — первый предел, а значит, быть подобием оно; так же и для второго предела, то есть Конечного. Если же оно к тому не принадлежит, то оно ему не подобно, а если оно ему не подобно, то оно не имеет Начального, а если нет у него Начального, то нет и Конечного, а если нет ни Начального, ни Конечного, то нет и никакого существования. Если бы пределом пределов вещей было нечто им не подобное, то ни от чего не могло бы образоваться подобия и ничему не предшествовало бы в существовании его подобие. Но поскольку сущее существует в единых границах, не возрастая и не умаляясь, и нет в существовании ничего такого, чему не предшествовало бы существование его подобия, это доказывает, что первые пределы восходят к подобию своему — вторым пределам, кои суть конечные; и что вторые пределы, кои суть конечные, восхо-

²¹ «Начальный» и «Конечный» — имена Бога: «Он — Начальный и Конечный, Явный и Скрытый, и Он всеведущ» (Коран 57:3, пер. мой. — *А.С.*). Ал-Кирмани кардинально переосмысливает онтологию первоначала в сравнении с предшествующей традицией, и его трактовка этих имен — один из показателей такого переосмысления.

дят, переворачиваясь, к подобию своему — первым пределам. Сие осуществляется посредством поворота начальных к конечным и привлечения оных к себе, как то имеет место в окружности, где начальная точка подобна конечной, и обе они суть подобия постольку, поскольку являются двумя пределами, собравшими совокупность окружности, пусть первый из сих пределов и обладает благородством начальности, а второй — конечности.

Если же оба предела некоего сущего являются подобиями постольку, поскольку они именно пределы его (как сын и отец — пределы каждый для каждого, и суть подобия, или как пшеничное зерно, где [засеиваемые] семена пшеницы подобны семенам колоса: и то и другое — зерно пшеницы, причем семя колоса служит пределом для засеваемого семени, и они суть подобия), а первый и второй пределы всего сущего — это Творение (то есть Первое Сотворенное) и человек, значит, они подобны; если же они подобны, то форма первого и есть форма второго. Здесь разумею я под человеком лишь того, кто поистине человек, подобно предержателям циклов, в особенности же предержателю седьмого цикла, соборно соединившему глаголющих, истоков, исполненных и последователей их, каковые люди, стяжав добродетели, стали актуально сущими разумами, — но не тех, кто похожи на человека телесной формой своей, а по душевной форме суть хищные звери, волки, обезьяны, свиньи, скорпионы или собаки; таким не уготовано награды.

Квартал пятый

**О Природе и небесных телах ее,
происходящих от верховных первоначал,
кои суть небесные буквы**

с семью улицами

Улица вторая

**О том, что у Природы — два предела: первый, обнимающий
(ведь он — ее причина) предел, благодаря которому свершается первое
существование, то есть первое совершенство;
и второй, обнимаемый (ведь он — ее следствие) предел,
благодаря которому свершается второе существование, то есть второе
совершенство; что ее вместилище — между этими двумя пределами;
а также о том, каковы те два предела и что служит их вместилищами,
и что второй предел — это центр,
благодаря которому движется все движущееся**

Коль скоро у всякого следствия есть его причина, благодаря которой оно существует, каковая причина для него — обнимающий первый предел, и поскольку Природа является таким следствием, то установлено, что у нее

есть причина, благодаря которой она существует, служащая для нее первым, объемлющим (поскольку он — причина) пределом. Коль скоро установлено, что у нее есть причина, благодаря которой она существует, служащая для нее первым, объемлющим (поскольку он — причина) пределом, и поскольку существование ее (Природы. — *А.С.*) проистекает от Творения (то есть Первого Сотворенного и Первого Сущего), то сие Творение (то есть Первое Сотворенное и Первое Сущее) и есть та причина, благодаря которой она существует и которая является для нее первым, обнимающим (поскольку он — причина) пределом. Если же Творение служит для Природы причиной, благодаря коей она существует, и первым обнимающим (поскольку он — причина) пределом, и поскольку Природа существует в своем носителе (*мавдӯ*), служащем ей вместилищем, то, имея сей носитель, она при движении в общем божественном расположении сущего от причины, то есть первого, обнимающего, предела, к следствиям, то есть ко второму, объемлемому, пределу, будет найдена как самость в самом первом сущем телесного мира (каковой телесный мир являет собой объемлющую окружность), ибо он — предел, но не то следствие, за которым уже нет никакого другого следствия и которое является потому центром и вторым пределом.

Поскольку благодаря утвержденности ее первого предела, который обнимает ее, будучи ее причиной, Природа оказалась в телесном круге, мир же телесный включает в себя различные части, небеса, звезды, огонь, воздух, воду, землю, то Природа, будучи в сем мире, должна быть либо расщепленной в соответствии с расщепленностью его частей, когда вся она обнимала бы любую его часть, либо нерасщепленной, когда бы она обнимала некоторую часть его, а проистекающие из нее силы проникали бы во все части и во всех них сказывалось бы воздействие ее. Природа, однако же, не может расщепляться с расщеплением телесного мира, причем по двум соображениям. Во-первых, части мира не равны (ибо, как представляется, небеса, то есть сферы, не таковы, как светила, светила не таковы, как огонь, огонь не таков, как воздух, воздух не таков, как вода, вода не такова, как земля, земля же не такова, как все это вместе), а также не схожи друг с другом по своим состояниям, когда бы они представляли собой нечто единое, такое же, как и Природа, и Природа могла бы самостно находиться во всей их совокупности²². Во-вторых, самость Природы, а именно — жизнь (именуемая душой), не имеет частей, когда бы она могла расщепиться, а также исключено для нее расщепление по самости, ибо она — не тело.

Коль скоро Природа не может быть расщепленной по самости, следовательно, она самостно пребывает в одной из частей телесного мира, где она

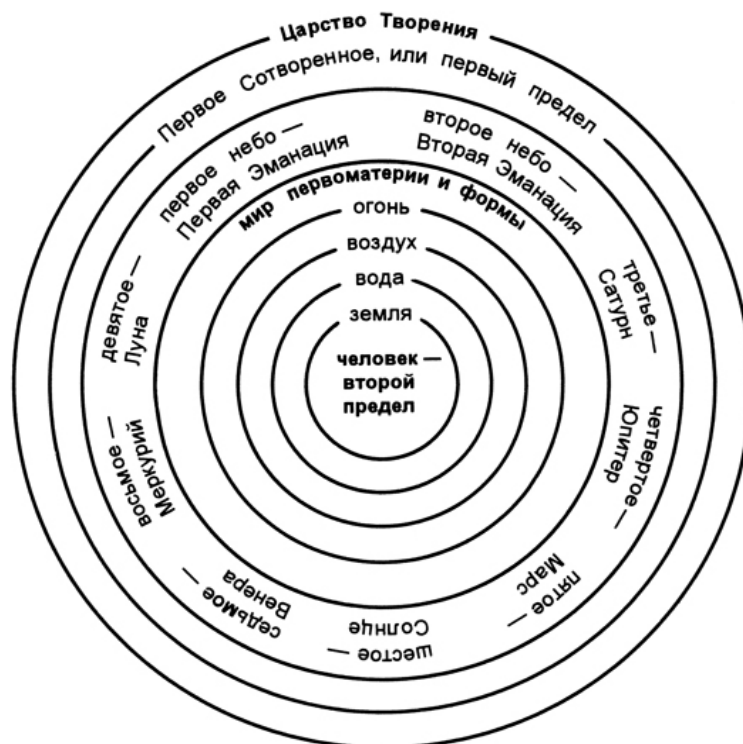
²² Иначе говоря, в силу своей простоты Природа не может целиком находиться в любой части телесного мира, поскольку он разнороден; если бы он был однороден и един, такое можно было бы представить.

и располагается и где находится ее центр, в прочих же частях присутствует через силы и воздействия свои. Если же она должна находиться в одной из частей мира, каковая часть и является ее вместилищем и центром, а центр чего-либо — это его сердце и полюс, та часть, что выше прочих, сердцем же небесных тел и исключительным по возвышенности среди них является Солнце, то Солнце и есть центр Природы и вместилище ее.

Итак, Солнце является центром Природы, оно происходит от первого предела, обнимающего все, чему причиной он служит; в сопряжении со всеми прочими частями [Природы] оно, вследствие высоты своей, является тем центром, в котором она (Природа. — *А.С.*) воплотилась и благодаря которому совершенна, соединена с царством Творения и приемлет исходящее из него истечение, ибо схожи они (царство Творения и Солнце. — *А.С.*), друг другу соответствуя. Действительно, ведь Солнце подготовлено к принятию благодати из мира Единства не так, как прочее сущее в мире Природы, светы небесных букв исцеляют его иначе, нежели прочее сущее, и все сущее связано с ним иначе, нежели между собой, ибо Солнце идет седьмым по счету после Первого Сущего, а потому представляет собою тот центр, к которому направлены извне светы воздействующего и на который изливается истечение; ибо самость его в телесном царстве можно уподобить Творению (то есть Первому Сотворенному) в царстве Единства. Посему оно иным образом, через сходство, но обладает всей той высотой, что имеется у Творения, и передает полученную благодать нижестоящему, тому, чье бытие связано с ним, дабы от того произошли порождения, относящиеся исключительно к сей части [телесного мира], а именно — к Солнцу. Светы Солнца сияют в каждом сущем в мире, сила его струится в нем, производя в каждом особое воздействие, отличное от его воздействия на других, соответственно тому, как сущее приемлет воздействие оно, так же точно, как мы то видим в действиях рыбы, остерегающейся рук именно рыбака, а не кого-либо еще; или в действии магнита, действие коего простирается исключительно на железо, не затрагивая ничего того, что не воспринимает его притягивающую силу.

Итак, коль скоро Творение (то есть Первое Сотворенное) является для Природы первым, обнимающим пределом (поскольку он для нее — причина), от которого проистекает первое существование ее, связанное с первым совершенством; коль скоро человек является ее вторым, обнимаемым пределом (поскольку он — следствие, за которым уже нет никакого другого следствия), от которого проистекает второе существование ее, то есть второе совершенство, — так вот, если человек является вторым, обнимаемым пределом, следовательно, Природа имеет два предела, из коих первый является объемлющим, будучи причиной, а второй, будучи следствием, является объемлемым, причем вместилище его — середина, как мы то изобразили.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДВУХ ПРЕДЕЛОВ ПРИРОДЫ

Изображение Солнца в середине:
 седьмое по счету творение и седьмое живое существо,
 наделенное чувственной душой

Итак, мы выяснили, что первым пределом является Первое Сотворенное, ибо выше его нет никакой вещи, и что вторым пределом является человек, ибо за ним нет никакого сущего, которое бы шло после него (как человек идет после предшествующего ему), и никакого другого следствия: он — обнимаемый центр.

Человек, далее, будучи вторым пределом, является тем центром, посредством коего приходит в движение все движущееся сущее. А именно: человек представляет собой тот предел, к которому сходятся лучи бестелесных Разумов царства Творения и Эманации и светов действующих тел мира Природы, сияя в нем; благодаря им становится он актуально²³ сущим разумом и тем обретает совершенство, которое делает его чем-то

²³ В оригинале — *би-л-кувва* «потенциально», очевидная опечатка: см. след. примеч.

единым с Творением (хоть каждый из них и имеет свой ранг, отличный от ранга другого), ведь он, достигнув той же предельной актуальности (сменившей его потенциалность²⁴) и совершенства, что и Первое Сущее (то есть первый, обнимающий, предел), стал таким же, как Первое Сущее, и он так же, как и оно, не нуждается в какой-либо поддержке извне и в помощи чего-либо иного. Поэтому, обратившись к собственной самости для удовлетворения жажды познания, человек тем самым как будто обращается к оним нематериальным самостям, ибо его самость такова же, как и они, а они — как он: нет тут разницы даже и в ранге, хотя Творение (то есть Первое Сотворенное) служит причиной сущего, человек же, центр стяжения светов всех миров, — подобием Творения, занимающим тот же ранг совершенства. С этой точки зрения человек является пределом, тем внутренним центром (*марказ дахил*), с которым связаны все движения: он — двигатель; Творение же, коль скоро человек занимает такой ранг, является внешне-внутренним (*дахил харидж*) [центром], сила коего не минует ни одно из сущих следствий. Так в первом своем пределе Природа наделена первым совершенством, связанным с существованием ее самости, а во втором своем пределе — вторым совершенством, связанным с ее совершенством по своим состояниям: она таким образом самодостаточна, совершенна, безначальна (*'азал*) и пребывающа (*бақā*).

В подтверждение правильности нами изложенного глаголят весы вероисповедные о той равновесности и соответствии, которые определили, что поскольку в мире религии глаголющий является первым пределом, обнимающим ту причину, от коей идет бытие границ, движущих души к поклонению и единобожию, следовательно, Творение, то есть Первое Сотворенное, является первым пределом, который обнимает ту причину, от коей идет бытие Природы, или души, движущей телесный мир. Поскольку сущие от глаголющего границы существуют благодаря Писанию и Закону с его столпами, которые для них являются как бы носителем, в коем они действуют, следовательно, и Природа существует благодаря своему носителю, в коем она действует, то есть небесным сферам и столпам. Поскольку столпы мира религии многочисленны, как-то: произнесение слов исповедания веры, поддержание чистоты, молитва, закат, пост, хадж, джихад, послушание, — и ни один из них, ни молитва, ни закат, ни что-либо прочее не принадлежит исключительно границам, но лишь послушание — всецело их достояние, и чрез то послушание приемлет [их воздействие] весь народ, и на нем зиждется мир религии, — следовательно, компоненты мира многочисленны, как-то: небесные сферы, светила и столпы, — и ничто из них, ни небесные сферы, ни прочее, не принадлежит исключительно Природе, но одно только Солнце, чрез которое — жизнь всего и сам телесный мир.

²⁴ В оригинале — ошибочное *би-л-фи'л* «актуальность»; очевидно, что два термина поменялись местами (см. предыдущее примеч.).

Поскольку живыми в мире религии и самостно приемлющими жизнь среди всех частей онога мира являются границы, каковые границы суть воздействующие, то в мире телесном живыми и самостно приемлющими жизнь среди всех частей онога мира являются светила, каковые светила суть воздействующее. Поскольку границы, воздвигающие столпы религии, отправляющие обряды ее и производящие духовные порождения, хоть и облечены самостной властью приказывать и запрещать, однако же происходят все от одного, а именно от глаголющего и замещающего его, на коем зиждутся и от коего к акту исходят, — то и тела небесные, то есть светила и прочие тела, приводящие в движение компоненты мира и производящие природные порождения, хоть и обладают самостно жизнью и силой воздействия, однако же жизнь и воздействие светов их происходят от Солнца, вокруг коего они обращаются и от коего к действию исходят...

Такова вкратце равновесность (*тавāзун*) малого и большого миров²⁵ миру религии. А коль скоро между этими мирами существует уравновешенность и взаимное соответствие и мир религии подобен малому миру, а большой мир подобен миру религии, то и малый мир подобен большому миру абсолютно во всем и без всякого изъятия.

Итак, выяснилось, что Природа находится посередине между двумя пределами, первый из коих — Творение, а второй — человек, собирающий все те добродетели и совершенства, к коим стекаются как к своему пределу свету всего воздействующего из всех миров. Сей человек — актуально сущий Разум, воскрешенный вторым воскрешением (*инби 'āc*); в нем — то же совершенство, что заключено и в Первом, а потому он, будучи вторым пределом, воздвигся (*қāма*) против первого предела: он и есть поистине воздвиженный (*қā'им*) — да приветствует Бог его, того, кто является пределом глаголющих, столпов, имамов и следующих за ними границ мира поклонения и единобожия с начала века (*дахр*) и до конца его, то есть начала циклов. Все миры один с другим связаны и находятся в едином порядке (*низām*), как то предписано божественной мудростью. Порядок этот таков, что когда движущийся двинется или покоящийся придет к покою, то и во всем (*ал-кулл*) будет найден сей смысл, причем благодаря совпадению сего слова это будет одним и тем же. Так что Природа в пределе своем²⁶ — вид-

²⁵ *Малый мир* — человек; *большой мир* — весь мир, начиная с Первого Сотворенного и кончая человеком (мир между Первым и Вторым пределами).

²⁶ Пределов у Природы два: Первое Сотворенное и Человек. Очевидно, что здесь ал-Кирмāни подразумевает второй, а не первый предел. Второй предел — это, с одной стороны, та конечная единая форма, которая вбирает в себя все совершенные души после конца истории (см. гл. VII, § 13). С другой стороны, ал-Кирмāни отождествляет его здесь с «воздвиженным» (*қā'им*) — исмаилитским иерархом, который придет в мир, чтобы возглавить последний, седьмой цикл человеческой истории. Как представляется, именно о таком человеке, занимающем высшую ступень совершенства, идет здесь речь: это он распоряжается миром, и его движение или покой отзываются во всей совокупности ми-

нейший ученый и искуснейший лекарь. Это и есть Приближенный Ангел, коему дано распоряжение миром телесным, именуемым в божественной сунне Троном (*курсий*). Славен же Обладатель сего царства, столь искусно распорядившийся; нет бога кроме Него, к Нему взываю и к Нему прибегаю; крепость и силу дарует лишь Бог и наместник (*валий*) Его на земле (да приветствует его Бог!). «Бог — наше довольство: Он надежный защитник!»²⁷.

Квартал седьмой

**О трех порождениях: минералах, растениях и животных,
происходящих от тел небесных и тел земных —
огня, воздуха, воды и земли**

с четырнадцатью улицами

Улица девятая

**О человеческой душе как чувственной и о ее чтойности;
о том, что возникает в ней, существующей как первое совершенство,
и чем стяжает она свое второе совершенство, и какова причина оного;
о том, какую конечную цель она достигает в своих действиях; о том,
что в ней играет роль материи и что — формы;
о том, каковы возникающие в ней отпечатки стяжания;
о месте ее среди сущего; и о том, что она и едина, и множественна**

После того, что мы сказали о существовании души и какова она, мы приблизились к познанию ее, так что не трудно будет нам постичь оное. В ней есть такое, чего нет у природных вещей и небесных светил, от коих произошла она, например, питание, рост и способность выбирать (*ихтийār*). А такова она не благодаря тем небесным светилам, но благодаря тому, что есть в ней как бы восприимлющее. Как сие существует для нее и в ней, поясним на примере солнца, которое чернит кожу, тогда как в лучах своих черноты не содержит; или на примере гнева, от коего тело бросает в жар, тогда как сам гнев жаром не обладает; или на примере точильного камня, заостряющего железо, хоть сам остроты не содержит. Итак, она в самости своей воспринимающая и в существовании²⁸ своем форм и знаний не имеющая (так же, как тело ее в своем существовании не имеет одежды) и нуждается в том, чтоб воспитать себя (так же, как тело нуждается в одежде, питании и уходе); счастье же ее — в обретении форм и стяжании, как то ей

ров. Правда, к концу абзаца ал-Кирмāнī искусно сводит разговор к прославлению Бога, как если бы речь здесь шла о нем; но это не более чем ритуальная формула, и ее исключительно декоративный смысл не скрывается и самим ал-Кирмāнī.

²⁷ Коран 3:173, С.

²⁸ Имеется в виду первое существование, или первое совершенство: сам факт получения существования вещью.

удастся (так же, как счастье ее тела — в достатке и безбедном существовании, как то ему удастся).

Изначально в своем существовании душа невежественна. Невежество — это отсутствие истинных знаний в самости. В сем она бывает двойка, причем в одном случае она лучше и выше, чем в другом. Более высокое состояние — ее невежество, когда не имеет она форм познаваемого; более низкое — когда обретенные ею формы познаваемого противоречат и не совпадают с познаваемым. Это и есть несчастье и величайшее испытание. Посему простонародье и подлый люд, подчиняясь велению своей смеси, дьявольские наущения и советы, портящие и ведущие их к гибели, приемлют скорее, нежели наставления добродетельных старцев, ради их благополучия даваемые. Итак, она свободна от форм сенсительного и умопостигаемого, оных не имея так же, как белый лист бумаги или незаполненная дощечка для письма, или же чувства, когда им нечего постигать; и знания она лишена, имея из оногo лишь природно-обусловленное своей смесью и связанное с ее телом. Так потому, что она потенциальна; в таком состоянии она — как материя, потенциальная субстанция, готовая принять то, что исполнит ее самость.

Поскольку она такова и знания не имеет, то и сказал Всевышний: «Бог изводит вас из утроб матерей ваших, тогда как вы ничего не знаете»²⁹; и пророк (да благословит Бог его и род его!) сказал: «У любого человека прирожденное устройство — ислам, а родители делают его иудеем, христианином или огнепоклонником»³⁰. Это означает, что всякая обретаемая

²⁹ Коран 16:78, С.

³⁰ Редакцию, цитируемую ал-Кирмāнī (كل مولود يولد على فطرة الاسلام وأبواه يهودانه أو ينصرانه أو يمجسانه), мне удалось обнаружить только у ал-Мунāвī (*ал-Мунāвī*. 'Абд ар-Ра'уф. Файд ал-қадір шарҳ ал-Джāми' ас-сағйр. 1-е изд. В 6 т. Т. 6. Миср: ал-Мактаба ат-тиджāрийя ал-кубрā, 1356 х., с. 135), который, не давая точной ссылки, приводит ее как известный хадис. В близких редакциях хадис распространен как в суннитской, так и в шиитской сунне, причем толкуется схожим образом: «исламское устройство» (*фитрат ал-ислām*) человека состоит в том, что он знает, что Бог — его Создатель и Господь; это и есть «изначальная природа» (*фитра 'аслийя*) человека, так что если воспитать его согласно ей, то он естественно признает единобожие в соответствии с исламским вероучением; в этом смысле ислам естествен для человека, тогда как неверие или другие исповедания, напротив, противоестественны.

С этим общепризнанным толкованием позиция ал-Кирмāнī, с одной стороны, расходится по существу, хотя, с другой — как будто не противоречит ей напрямую. Эта его позиция, хотя и не заявлена в специальных формулах, тем не менее отчетливо выражена. Данный хадис приводится как параллель только что процитированному аяту и как подтверждение нижеследующего рассуждения; и аят, и это рассуждение ал-Кирмāнī однозначны: в начале своего существования, т.е. по своей природе (по рождению) человек *пуст* и не имеет знания. Эта аналогия означает, что «исламское устройство» — чистый лист, который может быть заполнен и так и эдак, отсутствие знаний, которое вызывают нужду в наставнике. Это не противоречит явно хадису и его традиционным толкованиям: там ведь не сказано, что человек от рождения обладает знаниями. Далее, «ислам» в

существование души чиста, индивидуальна и свободна, не имеет ни формы, ни знания, ни исповедания, ни мысли, а обретает исповедание и знание благодаря научению наставников, из коих ей всех ближе родители. Они, как знают, учат ее, и если они огнепоклонники, то и она становится огнепоклонницей; если они христиане, то и она становится христианкой; если они иудеи, то и она становится иудейкой; а если они мусульмане, то и она становится мусульманкой. А если бы душа изначально имела в своей самости форму — в смысле знания, не связанного естественным образом с интересами ее тела, то, обладая оной, она бы привходящее (т.е. новые формы знания. — *A.C.*) не могла принять. Ведь принимающий форму не должен иметь в своей самости никакой другой, а иначе то воспрепятствует ему принять привходящее. Например, как известно, слух не может принять и понять смысл другого звука, если уже занят каким-то звуком; или же гемма не может принять другое изображение, пока не стерто первое; или же вода, принявшая красный цвет, не может принять другой цвет как таковой. Итак, душа свободна [от форм] в своей самости; она, как мы сказали, — природно-возникшая жизнь.

Хоть и говорят о ней, что она душа или же дух, но тот смысл, благодаря которому она есть то, что она есть, — это жизнь. Оба эти названия верны и за пределы жизни не выходят: душа живая и есть душа, и то же относится к духу. Если живого, могущего и знающего человека мысленно лишить знания, то с устранением оно не исчезнет ни могущество его, ни жизнь; если же отнять от него жизнь, уйдут и знание, и могущество, и вообще все, что с жизнью связано и благодаря ей существует. Поскольку она собирает все эти атрибуты, будучи таким образом воспринимающей их, то она и есть основа существования всего прочего, и ничто другое ей не предшествует. Итак, она — сущая в мире Природы жизнь с воздвигнутыми для нее божествен-

его общепринятом понимании, с точки зрения ал-Кирмāнī, — это в лучшем случае поклонение действием, т.е. явное поклонение, но никак не поклонение знанием (скрытое поклонение); следовательно, иметь «исламскую природу» значит (с точки зрения ал-Кирмāнī) быть лишенным знаний. В этом еще нет прямого расхождения с общепринятым пониманием «исламского устройства» любого человека; расхождение начинается там, где речь заходит о том, что требуется, чтобы человек стал верующим. С общепринятой точки зрения, человек естественно вырастет с исламскими убеждениями, если будет расти в исламской среде и ему не будут внушены чужеродные идеи; с точки зрения ал-Кирмāнī, этого никак не достаточно, и только целенаправленное научение наставников-исмаилитов даст человеку искомое совершенство. Получается, что для ал-Кирмāнī «исламское устройство» — только стартовая позиция, то, что он называет «первым совершенством», «первым существованием» или «первым пределом»; переход ко второму пределу, второму совершенству и второму существованию возможен только благодаря водительству исмаилитских (но не исламских вообще) наставников. «Исламская природа» с этой точки зрения принципиально недостаточна для спасения — вот в чем коренное расхождение ал-Кирмāнī с общеисламской позицией, которая утверждает обратное.

ной мудростью предустановленными орудиями, воспринимающая все, что должно ей воспринять из форм, схожих с той изначальной, сотворенной жизнью, о которой говорилось во введении сей книги. Занимая этот свой ранг, она не может быть актуальной субстанцией, ибо субстанция есть нечто самостоятельное, она же становится³¹ благодаря стяжанию того, что делает ее иной, то есть не такой, какова она. Нельзя о ней сказать и того, что она — актуальный разум (хоть о людях и говорится, что они разумны), ибо в сем своем ранге она потенциальна, но, практикуя обязательные в вероисповедной общине обряды, ритуалы и божественные установления, она станет актуальным разумом, и тогда будет поистине разумной.

А говорится о ней, что она — душа, потому что от нее исходят действия в соответствии с ее смесью и изначальной природой. Если исходящие от нее действия обусловлены волей к стяжанию счастья и удалению причин страдания, тогда она — разум для душ, тогда она получает все то, что переместит ее с ее ранга на ее конечный предел. Потому она — последнее из сущего и его второй предел, так же как та сотворенная жизнь (то есть Первый Разум) есть первое из сущего и его первый предел; поэтому она — завершение круга творения. Все осуществленное мудростью ведет к ее совершенству; и вот, поскольку она в существовании своем восходит к тому пределу, что в основе и местоположении своем соответствует той изначальной основе (т.е. Первому Разуму. — *А.С.*), на сию жизнь оказалось изливаемо истечение; сия жизнь восприимлет, а та (т.е. Первый Разум. — *А.С.*) сопрягается и с ней совокупляется — и вот они соединяются воедино (о чем мы еще будем говорить), в ней возникает то, что образует ее совершенство и направляет ее самость к достижению второго совершенства, а именно — те действия, что происходят от своей причины, самости души присутствующей, благодаря коей они выходят на арену существования и поднимаются к стремлению (*шавк*). Стремление — их универсальное имя, а по каждому предмету стремления (*муштāк*) они получают индивидуальное, определяемое тем предметом имя. Итак, стремление является причиной того, что возникает в ней (душе. — *А.С.*).

Поскольку по своей самости душа потенциальна, ущербна и нуждается в тех дарующих ей счастье знаниях, в которых заключено ее совершенство, и поскольку в ее самости в силу ее ущербности и того, что она чувственная, имеется потребность, влекущая ее к тому, что удовлетворило бы ее, и поскольку сия потребность и есть стремление, то она, таким образом, обладает стремлением, однако это стремление, как и она сама, потенциально. Когда же ее чувства встречаются с осязаемым, она крепнет, огонь ее разгорается и вспыхивает, и благодаря стремлению она актуализируется, тол-

³¹ *Самостоятельное* (само-стоятельное): это слово является фактически калькой арабского *қā'им би-зāти-хи* (*қā'им* — букв. «стоящий», *би-зāти-хи* — «благодаря самому себе»). *Становится*: в оригинале *йақўм*, т.е. превращается в самостоятельную.

каемая им на осуществление тех действий, что сим стремлением обусловлены в каждом из состояний ее самости. Посему стремление по рангу предшествует тому, что возникает в душе и что стремлением не является, тому, благодаря чему обретается совершенство (хотя вместе с тем актуализация стремления и зависит от актуальности ощущения). Стремление в зависимости от своего предмета может иметь различные названия (как и душа именуется по-разному в зависимости от своих действий).

Улица десятая

**О человеческой душе как глаголющей и какова она на сей ступени;
о том, является ли она чувственной душой, повысившей свою степень,
или же у человека три души, растительная, чувственная
и глаголющая, как то утверждают некоторые;
о том, субстанция она или акциденция, и если субстанция,
то присущи ли ей те же акциденции, что и телам,
или ее акциденции — особые; о том, что в ней играет роль материи
и что — формы**

Из сказанного прежде ясно, что человеческая душа как чувственная является не актуальной, когда она была бы пределом и стала тем самым такой же, как прочие души животных, которые для взыскующих своего блага тел суть совершенство, но потенциальна и представляет собой ту конечную цель, совершенство коей для самой себя, а не для своего тела достигается благодаря тому, что стоит рангом выше ее, и тогда она становится актуальным разумом, и что она не определена той чертой, но, запечатлевая формы, оную переступает. Здесь же скажем, что под «глаголющей» мы разумеем душу, действующую так, как то определено ее совершенством, придерживающуюся установлений и законов вероисповедной общины, в стяжании поднявшейся над сенсительным и не нуждающуюся в оном, такую, для которой место сенсительного заняли в стяжании интеллигительные самости, сами себя разумеющие и сверхприродные, ибо для сей души интеллигительное — то же, что для чувственной — сенсительное. В этом отношении она такова же, как и чувственная. А именно, если чувственная душа не воздействует на сенсительное (кое есть потенциально интеллигительное) и тем не укрепляется и не стяжает блистательной актуальности, то остается потенциальной (как если питательная сила не воздействует на пищу, та остается бесполезной, а когда воздействует на нее и та становится ей подобна и с ней схожа, то она уже — такая же, как и та, и проникают в нее ее силы, и они становятся чем-то единым); так же и душа глаголющая, если не уразумевает интеллигительное, разумеющее само себя, и тем не достигает с оным сродства и не становится актуальной, то остается потенциальной, занимающей ранг чувственной души.

Как мы уже говорили, для чувственной души сенсительное, благодаря коему эта душа обретает актуальность, — то же, что для души глаголющей — интеллигибельное, и как с точки зрения акта сенсительное и чувство не схожи, так же [не схожи] разумеемое и глаголющая душа. А когда она его (разумеемое, т.е. Разумы. — А.С.) уразумевает, тогда они становятся схожими и соединяются, и она, как и те, обретает актуальность и так же отвлечена от всего, что связано с первоматерией, разумеет свою самость и разумеема своей самостью, отлична от тех форм, что принадлежат первоматерии, где разумеющее — одно, а разумеемое — другое, и в отвлеченности [от материи] ее самость достигает такой черты, когда действует в самой себе и не нуждается в первоматериальном сенсительном. Одним словом, как искусственные формы придают материям актуальность (например, делают дерево ложем), так и разумные формы делают потенциальный разум актуальным.

А посему конечная цель чувственной души (коя есть первоматериальный разум) и благородство ее воздействия на вне ее сущее сенсительное (кое есть сенсительное потенциально³²) чрез имеющиеся у нее [орудия] состоят в том, чтобы воздействовать на отпечатки сих сенсительных форм, которые благодаря чувству имеются в ее самости отвлеченными [от материи], так что приемлющая их самость становится единой и актуальной: сие актуальным чувством, а то актуальным сенсительным, — и так стать представляющей (*мутахаййила*); а конечная цель сей представляющей [души] (как представляющей, воздействующей на актуально сущие в ее самости отпечатки сенсительного) — стать такой, чтобы запечатлеть (*мутаçаввира*) формы изначально нематериального и актуального интеллигибельного. Это и есть ее совершенство.

Однако, когда душа еще находится на ступени представляющей души и не достигла соединения с вышестоящим (а этот ранг является первичным рангом глаголющей души), она считается одной из природных форм, имея притом некоторое сходство с внеприродными Разумами (кои суть небесные буквы). Так же точно имеют сходство с обоими родами те виды, что общи им, однако же виды сходны с вышестоящим смыслами, а душа — чрез свою самость, в зависимости от того, насколько подготовлена она к достижению полного сходства с вышестоящим и полному отделению от ниже ее стоящих природных сущностей. И пока имеет она указанный ранг, этой ее степени не устраняет сие сходство, но лишь то, что может ее с этого ранга переместить, благодаря чему она станет актуальным разумом, схожим с внеприродными Разумами, с коими соединится. Оное же, что перемещает ее на сей ранг (после которого нет никакого предела), не есть одни только связанные со скрытым поклонением божественные науки, но они вкупе со

³² Сенсительное сущее вне души актуально как сущее, но потенциально как сенсительное до тех пор, пока душа не познала его.

связанными с явным поклонением пророческими Законоустановленными деяниями, каковая совокупность названа в Священном Писании благочестием (*тақван*); оно — запас души³³, ее основа, благородство, красота и венец.

Итак, потенциальная чувственная душа становится благодаря ощущаемому актуальной, представляющей душой, а в сопряжении с вышестоящим — потенциальной; она же, запечатлевая формы интеллигибельного, саморазумеющего, становится, подобно тому, актуальной и понимающей. Здесь светлы отделенных [от материи] Разумов (кои суть Приближенные Ангелы) играют роль закваски, положенной в тесто и делающей его себе подобным в силу их взаимной соотнесенности и сходства, не будь коих, не было бы одно из них приемлющим, а другое — воздействующим (как в силу утери сходства не схожи меж собой закваска и пальмовое вино, а потому в нем при добавлении закваски не возникает того, что возникает в тесте). А сходство сие возникает в душе потому, что каждым из действий своих, относящихся к ощущению и представлению (кои оба собирают включаемое в два поклонения), она приобретает нечто, придающее ей похожесть, согласность и совершенство. Так же, к примеру, чеканный дирхем и динар достигают предела в восприятии действий мастера (определение пробы, взвешивание, литье, ковка, придание округлой формы и нагрев), и в каждом из них они приобретают и подготавливаются так, что принятие ими наносимых на них надписей (благодаря чему они суть динар и дирхем) является последним из всего ими принимаемого и придает им завершенность и сходство, не оставляя после себя ничего, что дирхем и динар могли бы принять. Так же и чувственная душа (то есть потенциальный разум) достигает предела в принятии светов влияний небесных тел и научения границ Божьей религии, кои воздействуют и влияют на нее, устраняя обязательными деяниями ее дурные черты и наделяя ее знаниями, даваемыми пророческими Законоустановлениями благодаря представлению. Во всем этом есть свои ранги, на которые поднимается душа, и благодаря этому становится она схожей с вышестоящим до такой степени, что формы выше ее стоящих актуальных отделенных [от материи] Разумов (а запечатлев формы оных, достигает она своего совершенства и охватывает свою самость и уразумевает ее) являются последним, что запечатлевает она, исполняясь и становясь подобной им и схожей с ними, и после сего не остается никаких других форм, которые она должна была бы обрести.

Глаголющая душа не может произвести свои действия, познавая истинное как истинное и ложное как ложное в науках, связанных со вторым, скрытым поклонением, и доброе как доброе и дурное как дурное в деяниях, относящихся к явному поклонению, без того, что для нее есть то же, что свет для глаза, того, что проистекает от тех, с кем связано ее совершенство (от небесных границ, то есть исполненных Разумов, и земных границ, то

³³ См. примеч. 8.

есть Божьих наместников — служителей Всевышнего), а именно — без всецелых знаний (*'улум куллиййа*), что связаны с утверждением этой души. Надлежит ей стремиться к тому, чтобы познать и накрепко привязаться к оному, как то: к [знанию] воздействующих на душу (как о том говорит Закон) ангелов, Божьих границ, явного и скрытого поклонений, к познанию малых и больших циклов, знанию о Суде, посмертном воздаянии и каре, рае и огненной геенне, каковое знание таково же, как необходимое знание о том, что три и три дают шесть, и что если из десяти вычесть два, останется восемь, и что если к девяти прибавить шесть, будет пятнадцать. Приемлет сие [знание] чувственная душа; однако оно не может оказаться в ней, пока не примет она того, что для нее играет роль формы, то есть пока ее самость не станет обладательницей отделенной от сенсительной формы и не начнет раздумывать о ней, то есть представлять. Она же форма оказывается в самости души лишь тогда, когда чувство встречается с ощущаемым, а встречается оно благодаря подготовленным и воздвигнутым орудиям, коим довелось быть при посредстве той смеси, в которой возникла чувствующая жизнь. Тогда встреча чувства с ощущаемым в душе становится как бы первоматерией и материей, мысль же, или образование форм, то есть представление, — формой для оною. Далее, думающий и представляющий становится как бы первоматерией в принятии разумных форм, кои суть Приближенные Ангелы. Достигнув сего ранга, оказывается душа в ангельских эмпиреях и именуется душой глаголющей.

Однако стяжать сие она может не иначе как чрез Законоустановленное, упражняя себя и следуя богоначертаным законам в явном и скрытом. Когда же она запечатлеет их формы и будет руководствоваться ими так, как мы говорили, то о ней нельзя будет сказать, что она — первоматерия, ибо она уже поднимется над сим рангом и обретет актуальность. Тогда на достигнутой ею ступени самодостаточности и счастья не озаботит ее ничто противное интересам ее тела, но, напротив, будет стойко противиться она его страстям, влиянию его смеси, всем его прихотливым капризам, отличаясь от него так же, как созревшая и ставшая сладкой ягода винограда отличается от той своей основы, от которой проистекло ее ближайшее бытие, то есть от виноградной кисти. Тогда действия ее будут только благими, влекомые ее совершенством, и войдет она в число счастливых, не подверженных ни страху, ни печали. Способная улавливать знания чрез установление равновесности, она достигнет крайних пределов в познании сущего, среди коего не будет ничего такого, чего не смогла бы она познать, и войдет она в число не подверженных ни страху, ни печали.

Таким образом, человеческая душа едина, а не такая, как о том говорят, будто их у человека три: растительная, чувственная и разумная глаголющая. Так говорящие судили по ее действиям, что проистекают от человека: увидев, что он добывает пропитание (каковое действие есть действие рас-

тительной жизни), они приписали ему растительную душу; увидев, что он обладает чувством и взыскует пищи и наслаждений (какое действие есть действие животного), они приписали ему чувственную душу; увидев, что он познает и разумеет, думает и различает (какое действие есть действие разума), они приписали ему разумную глаголющую душу.

Однако, сказав, что у человека три души, они не разъяснили, каковы же они. Сии действия человек совершает не потому, что у него поистине три души; действия его множественны из-за множественности орудий, каждое из которых заслуживает собственного имени. Так же о поклоняющемся Богу, когда он молится, говорят, что он молящийся, когда постится — постящийся, когда отправляется в паломничество — паломник, когда дает милостыню — подающий, а совершает все эти различные действия (где молящийся — не то же, что постящийся, и подающий милостыню таковым является не потому же, почему является паломником) один человек. Или же плотник: когда он пилит, он пильщик, когда сверлит — сверлильщик, когда работает скобелем — скобельщик, и так далее; сам плотник един, а его орудия множественны, и не может быть так, чтобы одно из этих действий совершал один действователь, а другое — другой, ибо это означало бы, что чувство нас обманывает. И душа едина, действия же различны из-за различия орудий, уготованных ей в зависимости от искомого действия. Когда она действует во благо своего тела при помощи желудка, печени, внутренних и внешних органов, то говорится, что она обладает растительной силой; когда действует при помощи глаза, уха и [других] органов чувств и взыскует наслаждений, то говорится, что она обладает чувственной силой, постигающей сенсительное и приемлющей рост, так же точно, как сия душа приемлет и силу памяти, и силу воздействия на иное (чем напоминает саму Природу), сама же душа едина, и нет в ней одного отдельно от другого.

Улица двенадцатая

**О глаголющей душе как пребывающей, и в чем того причина;
что доставляет ей пребывание и счастье, а что — гибель и терзание;
о том, приходит ли к ней извне, или же от той ее природы (*таб'*),
от которой — ее существование; и о том, что такое терзание
и что — счастье, что такое ее смерть и что — ее жизнь**

Если глаголющая душа, как мы говорили, стяжанием снискала все те ранги, что располагаются между ее потенциальностью и актуальностью, если благодетством окрасилась субстанция ее и в дополнение к прежде сказанному остатки прежнего природного в ней обратились в разумную форму (как в зеленом винограде, влияния приемлющем, кислота обращается [в сладость]), то тем самым она обрела пребывание и совершенство и стала пребывающей, полной и вечной на ступени второго воскресения.

Засим скажем: причина ее пребывания в том, что безначальное и пребывающее — это рай, то есть собрание Сотворенных и Эманационных Разумов, которых сделал таковыми Святейший Всевышний Бог, и душа может стать пребывающей и подняться на ступень Сотворенных и Эманационных Разумов не иначе, как соотнесясь с оным раем, став связанной с ним и приняв его истечение так, что самость ее обернется разумом. Именно сии изливаемые и принимаемые силы и благодать делают так обращающуюся душу совершенной (так же, как огонь делает совершенным уголь или закваска — тесто), претворяют ее в разум наподобие источника своего излияния, охраняют ее от превращений и с оным источником соединяют; и вот, она пребывает вечным пребыванием и живет вечной жизнью, каковая есть непрерывность (*давām*) существования. Они — вторая, ближняя причина. Те Сотворенные и Эманационные Разумы (из коих истекает благодать) струят свои силы в сущем, опекая мир Природы; встретив душу, хотя бы в малейшей степени имеющую сходство или соотнесенность [с ними], они изливают на нее свое истечение, вызволяя и удерживая при себе. Так же и среди господ увидишь, что, если найдут они воспитание либо нрав своего слуги соответствующим или согласным с собою, то сие станет причиной пребывания его со своим господином. Если мы скажем, что их (Разумов. — *А.С.*) истечения связываются так же, как искра с трупом, то будет тут полная равновесность подобия: труп подготовлен к воздействию огня, чтобы принять его подобие, как душа под воздействием обрядов вероисповедной общины подготовлена к принятию божественной благодати.

Итак, они (Разумы. — *А.С.*) — первая причина ее пребывания. Они могут излить свое истечение и на чувственную душу, даже если у нее нет ни соотнесенности, ни сходства с истечением, если только самость ее не покрыта тем или иным природным пятном, препятствующим ей принять [истечение], так же, как слугу могут взять в дом и воспитать соответственно привычкам господина, если привычки либо врожденная натура его души не воспрепятствуют сей тренировке, а посему отсутствие у него таких препятствующих привычек является причиной его пребывания с господином. И если скажем мы: так же, как хлопок, не подмоченный водой и свободный от всего, что воспрепятствовало бы ему принять воздействие огня, то есть возгореться огнем, то и это было бы схоже и равновесно; однако здесь — наименьшая согласованность, и сей пример касается только пророков, например, Мухаммада (да благословит Бог его и род его!), о котором передают, что и в детстве совершал он добродетельные благочинные поступки³⁴, или же Иисуса и Авраама (мир им!); о сем пойдет разговор в разделе

³⁴ Добродетельность Мухаммада, проявившаяся очень рано, — известный мотив сунны. Один из показателей врожденной, природной нравственности Мухаммада — его стыдливость: однажды еще подростком во время переноса тяжестей он упал в обморок, когда на нем случайно развязался *'изār*, составлявший его единственное одеяние.

о внушенном откровении. Пребывание души связано с обретением ею знания от обладателей откровения, а ее связанные с переходом [в мир иной] действия и состояния в поддержании ее и придании ей совершенства тяжки и изнурительны. Ведь оно (пребывание. — *А.С.*) — предел ею достижимого, а ей бы в действиях своих только следовать своей смеси! Потому нужны особая опека, упражнение и радение, дабы придать ей все необходимое для стяжания счастья. Таковы же, к примеру, сырые дрова, с которыми огонь связывается лишь после особых усилий и приложенного труда.

Улица тринадцатая

О человеческой душе и о том, как после перехода [в мир иной] ей воздастся за стяжание; о том, что такое воскресение, Суд, награда, наказание, рай и геенна и каковы они все; каковы благочестивые в последнем прибежище своем, о том, что в дольней жизни их души подсказывает, какой будет тамошняя жизнь ее, и о том, каковы действия их; о том, кто такие лицемеры, нечестивцы, заблудшие и высокомерные спесивцы, от истинного почитания Бога далекие, и каковы действия их, и что ждет их после смерти; получает ли душа награду и наказание, как только переходит [в мир иной], или же остается такой, какова она, до воскресения, и когда оно [произойдет]; о том, что общего у обитателей рая и геенны до того времени; о том, является ли она отдельной формой, такой же, как форма ее тела в дольней жизни, или нет; о том, связывается ли душа, покинувшая свое тело, с другим телом, как утверждают сторонники учения о переселении душ, или нет; о том, помнит она о своей дольней жизни или нет; о том, пропадают ее знания или нет; и о том, наделен ли снискавший награду способностью действовать в ином, как то могут вне[природные] Разумы, или нет и каково это действие

...Награда душ, обретших усладу, различается трояко. Во-первых, души в тамошнем мире превосходят одна другую в зависимости от благородства и возвышенности того, чем сумели стяжать они свои добродетели. Это различие — как бы видовое. С ним в нашем мире схоже превосходство мастеров одних искусств над другими: из двух различных по виду искусств одно превосходит другое (к примеру, изготовление благовоний, подшивание, изготовление кунафы, танец, фикх, ткачество, вязание и прочее), так что в зависимости от превосходства искусства один мастер превосходит другого. Таковы же и Законы, по коим поклоняются Богу и благодаря коим стяжают душевные добродетели. Сии Законы — как бы разные виды, а потому тот, кто поклоняется Всевышнему по Закону Мухаммада, господина пророков — да

приветствует Всевышний его и род его! (а сей Закон — самый полный и все блага собравший), — не таков, как поклоняющийся Богу по Закону предшествовавшему, но лучше его; сия есть ступень высочайшая, превосходящая ступени предшествовавших поклонений.

Другое превосходство душ в тамошнем мире одной над другой зависит от того, всё ли исполняли они из необходимого для стяжания добродетелей или только часть оного. Это различие — как бы количественное. Подобно тому мастера превосходят один другого в одном и том же деле, в зависимости от того, всеми ли деталями этого дела владеют. Один, к примеру, полностью освоил каллиграфию (для чего необходимо знание науки о языке и грамматики, владение эпистолярным искусством, хороший почерк и знание счета), другой из оного владеет эпистолярным искусством и имеет хороший почерк, а третий знает науку о языке, грамматику, эпистолярное искусство и имеет хороший почерк. Тогда тот, кто овладел всем, будет превосходить других; и то же следует сказать о прочих в должном порядке. Так же обстоит дело и со всем, что объемлют оба поклонения в благородной вероисповедной общине. Один, скажем, поклоняется Богу, произнося слова исповедания веры³⁵ и творя молитву, другой произносит слова исповедания веры, молится, платит закят и постится, третий, кроме того, совершает хаджж и все прочее, что включают оба поклонения. Тогда тот, кто поклоняется Всевышнему знанием и деянием во всем, ничего не упуская, будет превосходить того, кто совершает лишь часть оного.

И в-третьих, души превосходят одна другую в тамошнем мире в соответствии с тем, как исполняли они то, чем стяжаются добродетели. Это различие похоже на взаимное превосходство мастеров в каком-то одном компоненте своего дела. Пусть два каллиграфа владеют в своем искусстве только почерком и счетом; если один из них в том сильнее другого благодаря лучшей выучке, навыку и практике, тогда он того превосходит. Так же различаются и люди обоих поклонений в исполнении частей Закона, кои суть божественные обряды: кто в молитве, омовении или прочем, либо в приобретении знания о том, что включают сии поклонения, настойчивее и усерднее другого, тот того и превосходит.

...Однако же сии благие и дурные души оказываются в раю и пламени не сразу после того, как расстанутся со своими телами. О том сказал Всевышний: «Нет! Это только слова. За ними — перешеек вплоть до дня, в который они будут воскрешены»³⁶. Итак, они находятся на перешейке (*бар-*

³⁵ В оригинале двойственное число: *шахāдатān* «два свидетельства»; имеются в виду две части единой формулы: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и свидетельствую, что Мухаммад — посланник Бога».

³⁶ Коран 23:100 (пер. мой. — А.С.). Первая фраза — ответ грешнику, который хочет вернуться к жизни, обещая теперь творить только добро: он получает категорический отказ.

зах), каковой перешеек и есть место их сбора. Перешеек — это предел, разделяющий рай и геенну; будучи наивысшим местом в мире Природы, он назван «Вершинами»³⁷. Итак, они стоят на Вершинах и ждут, пока исполнятся все циклы и свершатся воздействия светил религии на души, приходящие в мире Природы в существование эпоха за эпохой, вплоть до последнего, обетованного дня. Так стоя, уж знают они в самостях своих, награду ли и спасение обрели, или же их ждет погибель и смерть.

О том сказано Всевышним, начиная со слов: «А на Вершинах — мужи, друг друга узнающие по отметинам»³⁸, и до слов: «Господи наш, не помещай нас купно с людьми беззаконными»³⁹ (мужи на Вершинах и есть находящиеся на перешейке границы и прочие люди, не вошедшие еще в рай и того жаждущие), а также пророком (да благословит Бог его и род его!): Умерший, как похоронят его, будет держать отчет. Если он придерживался единобожия, был покорен Богу и Его посланнику, то откроются пред ним двери рая; предстанут пред ним дела его, сотворенные в поклонении Всевышнему, и станут ему добрым спутником в могильном заточении, извежая, что он спасен. В покое и отдохновении пребудет он до дня Воскресения, уверенный, что уготован ему рай: туда отведен будет после воскрешения и Суда. Если же он был многобожником, если был непокорен и заносчив, а в поклонении не знал должной меры, то пред ним откроются двери ада. Его злые дела обратятся в лютого зверя, терзающего его и наводящего на него ужас. Так в одиночестве и трепете пребудет он до дня Воскресения, зная, что уготована ему геенна; будет воскрешен он и препровожден в ад в Судный день, в день отчета за прежние деяния⁴⁰.

А из доступного чувству вот чему можно уподобить состояние тех послушных и своевольных душ. Представь себе человека, которому власти-

³⁷ Ал-Кирманī здесь и ниже обращается к аятам: «А на Вершинах — мужи, друг друга узнающие по отметинам. „Мир вам!“ — воскликнут к обитателям рая те, которые не вошли в него, как ни сильно желали того. И когда взоры их обратятся к обитателям огня, они скажут: „Господи наш, не помещай нас купно с людьми беззаконными!“» (Коран 7:46–47, С. изм.); «Вершины» также упомянуты в следующем аяте (7:48).

Вершины — *а'рāф*. В кораническом контексте комментаторы разъясняют это слово как «преграда», «стена», разделяющая рай и ад (см. о «стене»: 57:13), чему не противоречит и общезыковое значение слова *'урф* (мн. *а'рāф*) — возвышенность: этим словом называется любое возвышение земли или гребень петуха — самое высокое место у него (см.: *ат-Табарī. Джāми' ал-байāн 'ан та'вил 'āй ал-қур'āн*. В 30 т. Т. 8. Бейрут: Дар ал-фикр, 1405 х., с. 188); Abdallah Yusuf 'Alī переводит *а'рāф* словом “the heights”. Это значение и подразумевает здесь ал-Кирманī, что и отражено в переводе.

³⁸ Коран 7:46.

³⁹ Коран 7:47.

⁴⁰ Такой хадис не удалось обнаружить ни в шиитских, ни в суннитских источниках; видимо, ал-Кирманī пересказывает хорошо известные и многократно обговоренные в хадисах темы (открытие врат ада и рая, знание душ о предстоящей участи, пока они находятся на Перешейке и ждут Суда), сопровождая их собственными комментариями.

тель поручил управлять своими землями и передал ему войско, слуг, богатство и оружие. Наказано ему беречь то богатство, слуг и подданных, не делать с ними ничего вразрез с приказаниями властителя и использовать их только на благо царства и подданных, а также укрощать притеснителей и сеятелей порчи ради всеобщей безопасности и вящего блага. Если исполнит приказанное и будет добрым слугой, властитель обещает осыпать его благами и приблизить к себе; если же ослушается и поступит дурно, то не избежать ему наказания. И вот, сей человек делает, как ему велено, всем властелину угождает, во всем ему покорен и ни о чем ином не помышляет. Приходит день, и властелин призывает его; пока идет, сей человек размышляет, перебирая в голове все, что сделал, и не находит ничего, что не предвещало бы ему блага, не утешало и не согревало бы сердце его. Он знает, что совершал добрые дела, достойные властителя, и уверен, что воздастся ему многими благами, а значит, может радоваться и ликовать, хоть и не приближен пока к властелину своему.

Если же он не выполнил предписанного, если ослушался властителя и растратил данные ему богатства не ради довольства его, если водил дружбу с нечестивцами, если грабил и воровал, творил чудеса или впадал в злые ереси, то с тяжелым сердцем пойдет по вызову властелина. Обо всем догадается и поймет он, что за все свои дела заслуживает только наказания и лютой кары властелина, и уверен будет, что не избежать ему муки на радость врагам. И никуда ему не деться: прибрал его властелин, каким он был. И вот он трепещет от страха и ужаса, — а ведь еще не дошел до властителя своего, и ничто из обещанных наказаний его не постигло. Таким пребудет он вплоть до дня, когда свершится наказание и настигнет его лютая мука.

Итак, души, которые тела свои (кои суть внешняя фигура [*шаки*] их) покинули и дела (коими приносят благо или зло телам своим) оставили, все знают о себе. А на перешейке пребывают они для того, чтобы исполнилось новое творение, — дабы могли прибыть туда же им подобные [души] из природного мира и свершилось научающее, запечатляющее и очи отверзающее воздействие границ на всех их, чтобы все они вместе были собраны к сроку известного дня (а это день, когда свершится седьмой цикл и наложит предрожатель его свою печать на природный мир).

Об этом говорит Всевышний: «Скажи: да, и древние, и поздние будут собраны ко времени известного дня»⁴¹. «Скажи» — повеление Всевышнего, переданное чрез приближенных ангелов; Он имеет в виду: разъясни и научи, что и древние, и поздние будут собраны, — то есть и первые, из прежних циклов, и последние, что придут в мироздание в оставшиеся циклы, большие и малые, «будут собраны» теми, кого поддерживаем Мы Духом

⁴¹ Коран 56:49–50, С.

Своим и кто обращается к ним с призывом, будут научены тому, что соберет их в едином поклонении и единобожии. «Ко времени известного дня» — к предержателю седьмого цикла, который и есть последний день, день известный, провозглашенный.

Тогда все они (души, имевшие существование) составят форму как бы единой особи, в коей будут как бы многими членами. Притом каждая душа имеет свою, самостную форму, и благодаря собранности всех душ исполняется сия форма, коя и есть «последнее устройство» и «новое творение»⁴² (так же как полнота телесной особи достигается совокупностью всех членов). Тогда, благодаря воскресению предержателя седьмого цикла, заструится в них дух Святости и все вместе окажутся они в силах выйти из теснин телесных и вознестись над оными (так же дух способности к ощущению начинает струиться в зародыше, когда тот преодолевает теснины чрева). Тогда исполнится седьмой цикл, тогда перейдет в акт знание, — то знание, кое есть власть и сила, без которых не преодолеть телесных пределов.

⁴² *Последнее устройство*: в оригинале *ан-наш'а ал-'ахйра*; возможно, имеется в виду *ан-наш'а ал-'ахйра* — коранический термин (29:20), обозначающий второе, конечное сотворение людей Богом перед Судом, т.е. воскресение. Термин не частотен равно в шиитских и суннитских источниках; «последнее устройство» соплагается с «первым устройением» (*ан-наш'а ал-'ула*), т.е. сотворением. *Новое творение* — фактически синонимичный коранический термин, встречающийся значительно чаще (см. 13:5; 14:19; 32:10, 34:7 и др.).